

Ксения
КРАСНАЯ

БЕРЕМЕННА
от его сына

Ксения Красная

Беременна от его сына

<https://litres.ru/74346007>

Аннотация

- ТЫ РОДИШЬ. Я ЗАПЛАЧУ. И ТЫ ИСЧЕЗНЕШЬ, - говорит Евгений Зарубин, отец моего жениха.

Я думала, что беременность от Димы — мое счастье. Но наследник олигарха бросил мне деньги на аборт, испугавшись гнева отца.

Его отец, Евгений Зарубин — железный магнат, для которого нет запретов.

— Ты носишь мою кровь. Ребёнок будет моим. Ты... исчезнешь, как только родишь.

ЭТОТ РОМАН ПЕРЕЙДЁТ ВСЕ ГРАНИЦЫ:

Она вынашивает его внука. Он возжелает её тело. Их страсть взорвёт все границы.

✓ Беременная героиня — хрупкая, но невероятно притягательная для того, кто её ненавидит ✓ Секс, нарушающий все табу — страсть между ними шокирует до глубины души

Содержание

Глава 1 Майя	4
Глава 2 Майя	13
Визуалы	20
Глава 3 Майя	21
Глава 4 Майя	27
Глава 5 Майя	37
Глава 6 Майя	41
Глава 7 Майя	47
Глава 8	55
Глава 9 Майя	64
Глава 10 Евгений	74
Глава 11 Евгений	83
Глава 12 Майя	94
Глава 13 Евгений	103
Глава 14 Майя	110
Глава 15 Евгений	118
Глава 16 Майя	123
Глава 17 Майя	127
Глава 18 Майя	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1 Майя

— Нам надо как-нибудь... приостановить наши отношения. Это будет временно, детка.

Его слова будто бьют меня в грудь, и сердце сжимается от внезапной боли. Временно? Как так?

Дмитрий Зарубин. Золотой мажор нашего института, парень, из-за которого дрожат все первокурсницы. Год он преследовал меня с упорством, которого я не понимала. Сначала я думала — игра.

Очередная девственная жертва для его коллекции, еще одна наивная дурочка, которая поверит в сказку, а потом проснётся в чужой постели с разбитым сердцем.

Я бегала. Пряталась. Краснела, когда он заговаривал со мной, и убегала, едва он подходил слишком близко. Но он не сдавался.

Подарки, которые я не принимала. Слова, в которые боялась поверить. Взгляд, от которого таяла, даже когда злилась на себя за эту слабость.

А потом... сдалась. Поверила. И он — сделал предложение, едва мы начали встречаться. Надел на мой палец кольцо, которое теперь жжёт кожу.

И вот теперь... временно?

Но при этом он не знакомит меня со своим отцом.

А я знаю о нём не понаслышке. Железный олигарх. Вла-

делец холдинга, который рушит судьбы одним телефонным звонком. Жёсткий. Циничный. Привык всё контролировать — даже дыхание собственного сына.

И самое страшное? Дима его боится.

Мой сильный, уверенный Дима, перед которым дрожит весь институт, трясётся при одном имени отца.

Меня это пугало. Беспокоило. Заставляло чувствовать себя лишней в его жизни.

Почему он скрывает меня?

Сначала я оправдывала его: «Отец хочет, чтобы у сына, его единственного ребенка, были серьёзные намерения. Дима просто ждёт подходящего момента». Но время шло, а момент так и не наступал.

Мы встречались украдкой. В машине. В закрытых ресторанах, куда не пускают посторонних. Будто стыдился меня. Будто я — что-то временное, что можно спрятать подальше от чужих глаз.

А потом... он надел на меня кольцо.

И я поверила.

Но сегодня он сказал, что наши отношения нужно «приостановить».

Как будто его любовь — это тайна, а не гордость.

Я не понимаю, почему он говорит это сейчас.

Моё сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот разорвёт грудную клетку. Я так хотела сделать ему сюрприз... хотела рассказать о чуде, которое случилось между

нами.

Но он опередил меня.

— Отец подобрал мне невесту...

Мир вокруг резко замирает.

— ... Майя, ты должна понять... Ангелина — это не просто девушка. Она должна стать моей женой. Это не про любовь — это слияние двух капиталов, объединение влияния наших семей. Отец не оставит мне выбора.

Я широко раскрываю глаза, не веря своим ушам. Это шутка? Проверка? Но его лицо холодное, отстранённое.

— Дима... как же так? — голос дрожит, предательски срываясь.

Он лишь отмахивается, будто я надоедливая муха.

А ведь всего несколько месяцев назад...

Он опустился передо мной на колено. Взгляд его горел такой искренностью, что я, одинокая сирота, впервые за долгие годы поверила в счастье.

Мои родители погибли десять лет назад. Бабушка, которая растила меня, умерла два года назад. И вот он — красивый, сильный, идеальный — появился в моей жизни.

Сначала я не верила. Боялась его улыбки, его настойчивости. Но потом... поняла, что он другой. Честный. Настоящий.

А теперь...

Какая ещё невеста?!

Я же его невеста!

— Майя, пойми... Я не могу сейчас отказать отцу.

Его голос звучит так, будто он уже проиграл эту битву.

— Ты не представляешь, что он со мной сделает.

— Почему, Дима? — Мои пальцы впиваются в его рукав.

— Ты же должен сказать ему! Сказать, что мы...

— Я не могу! — Он резко обрывает меня, глаза дико блесят. — Он убьёт меня, Майя. Наша семья должна породниться с Королёвыми. Ангелина, моя невеста теперь.

Его пальцы дрожат, когда он стирает слёзы с моих щёк.

— Не плачь детка... Это временно. Фиктивный брак. Год... максимум два.

— Мне это не нужно! — Я отстраняюсь, сердце рвётся на части. — Разве любовь, это бизнес?!

И тогда... я говорю.

Тихо. Без пафоса. Просто констатирую факт, который должна была сообщить ему совсем иначе.

— Дима... Я беременна.

Тишина.

Он замирает, глаза расширяются до предела, губы слегка приоткрыты. Я вижу, как в его взгляде смешиваются шок, ужас и... страх.

— Нет. Нет, нет, нет... Какая ещё беременность, Майя?!

Он кричит. Впервые за всё время кричит на меня. Но это не злость. Это паника, чистейший животный страх.

— Блядь, отец прибьёт меня! Какая на хрен беремен-

ность?!

Его руки хватают меня за плечи, трясут так, что зубы стучат.

— Почему ты, чёрт возьми, это допустила?!

Я всхлипываю громко, беспомощно. Слезы заливают всё — лицо, душу, будущее. Мир расплывается, как акварель под дождём..

— Дима, прошу... не делай так...

Мой голос прерывается, задыхаясь в слезах. Он внезапно хватает меня в объятия, сжимает так сильно, что больно.

— Всё, всё, детка... прости меня... — шепчет он, целуя макушку, глядя по волосам, будто успокаивает испуганного зверька. — Это всё исправимо. Мы всё исправим.

— О чём ты?..

— Ты сделаешь аборт.

Я застываю.

Мир сужается до одной точки — его лица. Красивого. Любимого. предавшего.

— Не смей смотреть на меня, как будто я твой враг! — резко бросает он. — Тебе только исполнилось 19, ты учишься. Мне 22 — я не готов быть отцом ближайшие десять лет!

— Во-вторых, я уже объяснил, отец убьёт меня, если я не женюсь на Ангелине. И не только он. Это временно, Майя! Я не люблю её, а люблю тебя. Просто потерпи. Не усложняй.

Он делает паузу, будто это должно меня успокоить.

— Поэтому сегодня же мы поедem. Я дам тебе денег. Ты

сделаешь аборт. Этот ребёнок ни тебе, ни мне не нужен.

Я отшатываюсь, будто он ударил меня.

И в этот момент всё рушится.

Его красивое лицо, которое ещё минуту назад казалось мне самым родным, теперь выглядит чужим.

Его тёплые руки, которые обещали защиту, теперь кажутся цепкими, как капкан.

Я — одинокая сирота.

Я думала, он станет моей семьёй.

А он...

Он просто хочет стереть нас.

— Нет, Дима...

Я отступаю, качая головой, будто пытаюсь стряхнуть кошмар.

— Майя, не смей.

— Дима, прошу... мне страшно. Я не хочу аборт.

— Детка, пойми... — он сам на грани, глаза мокрые, но не от жалости. От страха. — Отец, если узнает о тебе, убьёт не только меня. И тебя тоже. Он не пощадит тебя, Майя.

Его пальцы впиваются в моё лицо, сжимают скулы так, что больно.

— Слушай меня. Сделай аборт. Мы будем видеться. Тайно. Возможно, реже...

Он говорит это так, будто делает мне милость.

— Мне придётся жениться на Ангелине. Но потом всё уладится. Я разведусь. И буду с тобой. Просто подожди...

Его дыхание горячее, грубое.

— ...Но никакого ребёнка, Майя.

Я смотрю в его глаза — и больше не вижу в них любви.
Только трусость.

И тогда я понимаю:

Он никогда не выберет меня.

Дима дал мне денег.

Наличные. Ровно на аборт.

Я не думаю, что он жадный. Я уже поняла — я для него
простая девочка, с которой можно не церемониться.

Да и мне ничего особого от него и не нужно было.

А теперь он пишет, умоляет не тянуть и сделать это как
можно скорее.

И вот я лежу.

В самой обычной клинике. На холодной кушетке, с раз-
двинутыми ногами.

За эти несколько дней я похудела, осунулась, словно тень.

Я чувствую себя самой ненужной, самой одинокой во всей
вселенной.

И только одно тепло еще связывает меня с этим миром —
тихий огонек в животе.

Мой ребенок.

Врачиха в ледяных перчатках готовит укол. Проверит, по-
том даст то самое лекарство.

А срок уже больше восьми недель.

Боже, как страшно...

Её пальцы касаются моей кожи. Холодные. Бездушные.

А внутри — тепло.

Крошечное. Живое.

Единственное, что у меня есть.

Единственное, что любит меня просто так.

— Не трогайте меня!

Я резко вскакиваю, срываюсь с кушетки.

— Аборта я делать не буду!

И выбегаю из кабинета.

Навстречу страху. Навстречу неизвестности.

Но — с ним.

Я выхожу на улицу.

Глубокий вдох — и воздух врывается в лёгкие, свежий, свободный.

Я запрокидываю голову к небу, и слёзы не боли, а облегчения катятся по щекам.

— Спасибо, Боже... Спасибо, что я сохранила его...

И в этот момент — звонок.

Дима.

Голос его лёгкий, будто спрашивает, купила ли я кофе.

— Детка, обрадуй меня. Скажи, что ты всё сделала.

Я сжимаю телефон.

— ... Уже нет ребёнка.

Мой голос мёртвый.

— Отлично! — он даже не замечает фальши в моих сло-

вах. — Ты моя умница. Я сейчас решу дела, всё плотно, встретимся через пару недель.

Проходят недели.

Месяцы.

Дима не звонит.

Не пишет.

И знаете что? Мне всё равно.

Я привыкла к одиночеству. Оно — мой старый друг.

А Дима...

Я всё поняла.

Он типичный трус, и предатель.

Соцсети пестрят новостями:

"Дмитрий Зарубин — золотой мажор года!"

"Ангелина Королёва — самая роскошная невеста столицы!"

Она — высокая, холодная богиня с взглядом, который режет стекло.

А я...

Худая коротышка под метр шестьдесят.

Каштановые короткие волосы, смешная чёлка.

Мы с ней — небо и земля.

Удивительно, что Дима вообще на меня посмотрел...

листаем еще глава

Глава 2 Майя

— Майя, ты подготовила букет клиенту? Он через час будет.

— Да, готов.

Я на пятом месяце беременности. Устроилась в небольшой цветочный магазин — поначалу было тяжело, но вот уже пару месяцев как втянулась. Животик ещё маленький, двигаюсь легко, чувствую себя бодро.

Мой гинеколог говорит, что я здорова и ребёнок развивается хорошо. Легко для моего юнного возраста. Но есть одна проблема: я слишком худая.

— Тебе нужно больше есть, — строго повторяет врач. — Ребенок забирает все ресурсы. Как ты рожать будешь, если сил не останется?

Она ругает меня на каждом приёме. И я знаю — она права.

Дима так и не позвонил. Ни разу. Ни строчки за все эти месяцы после расставания — после того, как сунул мне деньги на аборт и ушёл.

Раньше я видела их в соцсетях — то на море, то в ресторанах, то в каких-то шикарных отелях. Теперь стараюсь не заглядывать. Знаю, что скоро у них грандиозная свадьба. Их отцы станут ещё богаче — это главная цель, главная "сделка", о которой все шепчутся.

Смешно. Дима уверял, что между ними нет любви. Но фо-

тографии и видео кричат об обратном. Особенно те, где они страстно целуются, залихватски снятые под модную музыку. Топовые ролики, миллионы просмотров.

Я больше не заглядываю в интернет. Иначе — сорвусь.

Сегодня в магазине аврал. Покупателей много, букеты собираю почти без передышки. И это всего лишь маленький, ничем не примечательный цветочный.

Может, дело в кондиционере — дует так, что знобит. Я путаюсь в огромном сером халате, дрожа от холода,правляю короткие волосы за ухо...

Дверь открывается.

— Здравствуйте, — слышу осторожный голос Лены, моей напарницы.

И вдруг — ледяной укол в грудь. Страх. Удивление.

Я резко оборачиваюсь.

От увиденного меня парализует.

Я бешено моргаю, словно пытаюсь стереть реальность. Но он не исчезает.

Евгений Зарубин. Отец Димы.

Прилив жара бьет в лицо, сердце колотится так, что кажется — вот-вот разорвет грудную клетку. Я судорожно закутываюсь в широкий серый кардиган, стараясь скрыть округлившийся живот. Пятый месяц. Он уже замечен... но если прижаться к прилавку, если не дышать — может, пронесет?

Такие люди не ходят в такие места. Даже мимо не проезжают. Наш магазин — дыра в закоулке, куда случайно не за-

бредают мужчины в часах за десятки годов, моей зарплаты.

Во рту пересыхает. Руки дрожат, я прижимаю их к животу, чувствуя, как бешено стучит внутри маленькое сердце.

Он подавляет собой все пространство. Массивный, как гора. Дорогой парфюм и тяжелый, властный запах кожи перебивают даже аромат роз. Его взгляд – ледяной, как сталь. Серые глаза, будто напильники, сдирают с меня кожу.

Он бросает взгляд на часы – массивные, брутальные, такие же, как он сам. Потом – на меня.

Ноги подкашиваются. Я делаю шаг к прилавку, пряча живот, но он уже приближается.

Один шаг – и он у стойки.

Я крошечная рядом с ним. Даже на цыпочках не дотянусь до его груди.

— Ты Майя Синицына? — это не вопрос.

Его голос глухой, басистый, пугающий.

Все мое тело дрожит. Даже малыш внутри, будто почувствовав угрозу, резко толкается. Мой малыш. Господи, это же его дед.

Хотя дедом такого человека не назовешь.

Массивный, мощный, с холодной красотой высеченного из гранита воина. Возраст только подчеркивает его силу — проседь в темных волосах, жесткие морщины у глаз. Но в них нет доброты. Только ненависть.

Он уже знает, кто я. Не спрашивает — утверждает.

Он может схватить меня. Закопать где-нибудь в лесу. И

никто даже искать не станет — у меня ведь никого нет.

Слухи о нем ходят жуткие. Конкуренты, ставшие инвалидами. Те, кто просто исчез.

— Д-да... — мой голос предательски дрожит.

Черт, зачем я ответила? Надо было врать. Надо было бежать!

Я громко сглатываю. Его взгляд — как скальпель, рассекающий плоть. Он смотрит на меня не как на человека.

Как на пятно.

Как на ошибку, которую вот-вот исправят.

Его лицо, похожее на лик античного бога, искажается в омерзительной гримасе.

— Выходи и садись в машину.

Он произносит это медленно, словно разговаривает с умственно отсталой.

Боже, он хочет убить меня?

Но ведь вокруг камеры. Если бы он планировал расправу — прислал бы других. Или меня бы уже давно "случайно" сбила машина.

Значит, пока не убьет.

Я бешено мотаю головой, но тело предательски дрожит. Слова застревают в горле колючим комом.

— Я дважды повторять не буду. Быстро. В машину.

— Извините, а вы... — робко вступает Лена, но ее тут же обрывает ледяной рык:

— Заткнись.

Он даже не смотрит в ее сторону. Весь его испепеляющий взгляд прикован ко мне. Серые глаза — как дуло пистолета, направленное в лоб.

— М-мне н-надо магазин закрыть... — я заикаюсь, чувствуя, как подкашиваются колени. — Я н-не могу уйти раньше...

Его лицо искажается в гримасе. Он ненавидит меня. Ненавидит за то, что я осмелилась дышать в его присутствии. За то, что ношу его кровь в своем животе?

И за то, что пока еще жива.

— Ты думаешь, твое положение меня остановит?

Его голос — как удар обухом по черепу. Значит он знает.

— Я могу выволочь тебя отсюда. Или позвать ребят. Выбирай, уйдешь сама или в мешке.

Я вцепляюсь в прилавок, чтобы не рухнуть на пол. Ладони скользят от пота.

Медленно, как в кошмаре, обхожу стойку. Магазин внезапно кажется огромным, расстояние до двери — бесконечным.

Прохожу мимо него — и задыхаюсь. Его запах — дорогой парфюм, смешанный с чем-то тяжелым, властным — бьет в ноздри, как спирт по открытой ране.

Он делает резкий шаг, распахивает дверь передо мной так, что стекло дрожит.

На улице — три одинаковых серых Lexus.

Черные стекла. Ни единой царапины.

Ближайший водитель выскакивает, открывает дверь. Я замираю, как загнанный зверек, ожидая команды.

И она звучит:

— Садись. — Зарубин бросает это сквозь зубы.

Его тон не терпит возражений. Тон человека, который привык, что его слова — закон.

Я сажусь. Дверь захлопывается.

— И без фокусов.

Я покорно опускаюсь на сиденье, мысленно цепляясь за единственную соломинку: камеры. Такой человек не стал бы светиться ради меня — ничтожной пылинки. Если бы хотел убить, давно бы прислал своих людей.

Может, он хочет поговорить? О сыне? О наших прошлых отношениях?

Эти мысли слегка успокаивают. Я устраиваюсь в кожаном сиденье, накрывая живот ладонями. Малыш затих, будто чувствуя мой ужас.

Какие еще фокусы? Я еле держусь от одного его вида.

Дверь захлопывается с глухим щелчком. Водитель остается снаружи. Мы одни.

— Мне нужно быть уверенным на сто процентов, что ты беременна от моего сына. Что в тебе мой внук.

Я открываю рот:

— Но...

Он резко поднимает руку. Молчи.

Кто я такая, чтобы перечить Евгению Зарубину? Желез-

ному магнату. Человеку, который решает судьбы.

— Насчет денег. Ты родишь. Я заплачу. И ты исчезнешь.
Его слова падают, как приговор.

— Что... что вы говорите?

Я вжимаюсь в сиденье, понимая: спасения нет.

— Я сказал четко. Ты родишь, оставишь ребенка. Получишь деньги и исчезнешь. Сразу.

Визуалы

Евгений Зарубин 42 года

Майя Сеницына 19 лет

Если хотите визуалы остальных героев тоже скину))

Глава 3 Майя

Я замерла. Ладони инстинктивно сжались на округлившемся животе, защищая маленькую жизнь внутри - единственное, что придавало мне сил дышать.

— Я не отдам вам своего ребенка, - голос дрожал.

Евгений Зарубин усмехнулся. Не улыбнулся - именно усмехнулся, будто наблюдал жалкую попытку котенка поцарапать бетонную стену.

— Набиваешь цену? - Его губы искривились в гримасе, напоминающей скорее оскал, чем улыбку. — Таких продажных кукол я видел десятки... Хотя и куклой тебя не назовешь.

Каждое слово било по нервам, но хуже всего был его взгляд. Холодный. Оценивающий. Будто я не человек, а бракованный товар на складе.

— Это... это не ребенок Димы, - выпалила я первое, что пришло в голову. Отчаяние заставило солгать, хотя мы оба знали правду.

Он наклонился ко мне, и я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Его горячее дыхание пахло мятой, когда он прошептал:

— Мы это проверим.

В этих словах звучало столько отвращения, что мне стало физически плохо. Почему он ненавидит меня так сильно? За

то, что осмелилась полюбить его сына? За то, что забеременела от него?

Но самое страшное - я не знала, как спастись. Его власть ощущалась в каждом жесте, в каждом взгляде. Я была мышью в лапах кота, который только начал свою игру.

— Слушай меня внимательно, Майя.— В каждом слого сквозило презрение, будто даже произносить мое имя для него было унижением.

Я застыла, чувствуя, как сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот разорвет грудную клетку.

— Сегодня ты доработаешь, уладишь свои дела. — Он говорил медленно, растягивая слова, наслаждаясь моей беспомощностью. — Завтра утром за тобой приедет машина. С собой - только документы.

Мир вокруг поплыл. Я замотала головой, волосы прилипли к влажным вискам. Нет, нет, нет! Это не может быть правдой!

Но он продолжал, не обращая внимания на мою панику. Его глаза - эти ледяные, бездонные глаза хищника - сковывали меня сильнее любых наручников.

— Попытаешься сбежать... — Он наклонился так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на своих губах. — ...пожалеешь. Запру в комнате до родов, — пауза. — Ты поняла меня?

Горло сжалось так, что я едва смогла кивнуть. Даже этот жест дался с трудом - словно моя голова внезапно стала

неподъемной.

Единственная мысль крутилась в воспаленном мозгу: "Пусть поскорее отпустит. Хоть глоток воздуха. Хоть минута, чтобы прийти в себя..."

Но он не отпускал. Сидел, изучая мое лицо, будто ища признаки неповиновения. Его массивная тень накрыла меня целиком, как предвестник той неволи, что ждала завтра.

Его взгляд скользнул по платиновым часам — холодный блеск циферблата отражался в его ледяных глазах.

— Выходи.

Это даже не приказ. Это рычание хищника, привыкшего к беспрекословному повиновению. Его голос, низкий и хриплый, резанул по нервам. Он смотрел на меня не как на живого человека, а как на досадную помеху, которую вот-вот устранят. Как на дворнягу, осмелившуюся забежать в его идеальный мир.

Я выпрыгнула из машины, забыв о пятимесячном животе, о ребенке, о собственной осторожности. Адреналин бил в виски, заставляя ноги двигаться быстрее мысли.

Магазин. Спасительный, знакомый, безопасный.

Дверь захлопнулась за моей спиной, и только тогда я позволила себе вдохнуть полной грудью. Воздух — чистый, свободный от его подавляющего присутствия.

Возле него дышать было невозможно. Не только из-за страха, сжимающего горло. Его аромат — дорогой, древесный — заполнял все пространство вокруг, одурманивал, ли-

шал воли.

Я прислонилась к прилавку, чувствуя, как дрожат руки.

Чудовище.

Настоящий дьявол в обличье архангела.

Я не помню, как дотянула до конца смены.

Всё плыло перед глазами, движения были механическими, а в голове — только бешеный стук сердца и одна мысль: «Беги».

Но куда? У меня никого нет. Ни родителей, которые давно ушли, ни бабушки, ни друзей, которым можно довериться. Только я и этот город, который внезапно стал враждебным.

Собирала вещи в общаге на автомате, дрожащими руками хватая самое необходимое. И вдруг — её портрет. Маленькая фотография в резной рамке, которую бабушка подарила мне перед тем, как...

«Моя девочка, как же ты будешь в этом мире одна? Он слишком жесток для таких, как ты».

Голос её, тёплый и тревожный, отозвался в памяти так явно, что я замерла.

— Да, бабуля, жестокий... — прошептала я, и по щеке скатилась предательская слеза.

Быстро вытерла её, сунула фотографию в сумку и застегнула молнию. Поезд. Автобус. Попутка. Неважно. Лишь бы подальше отсюда.

Потому что если останусь — он меня найдёт.

А если найдёт — убьёт.

Я вышла на улицу, волоча за собой дорожную сумку — она оказалась неожиданно тяжелой. Руки дрожали от усталости, веки предательски слипались. Боже, когда я последний раз ела? Только утром... А сейчас уже глубокая ночь.

— В каком же я положении... — прошептала, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Холодный ветер обжег щеки, и вдруг — за спиной раздался чужой голос, ледяной и безэмоциональный:

— Ты идешь с нами.

— Пожалуйста, нет! — крикнула я, резко обернувшись.

Двое. Высокие, в черных костюмах, лица скрыты тенью.

Оглянулась — улица пуста. Ни души. Ни помощи. Такси еще далеко.

Они схватили меня так грубо, что боль пронзила запястья.

— Отпустите! Я беременна! — молила я, вырываясь.

Но им было плевать.

Не сказали ни слова. Не объяснили, кто они. Просто заломили руки, затолкали в серый Lexus, бросили сумку на сиденье. Дверь захлопнулась — и машина рванула с места.

Куда? Зачем?

Мы ехали час. Леса, незнакомые дороги, глушь. Потом высокие ворота. Огромный особняк, мрачный, как склеп.

Внутри — пусто. Только эхо шагов.

Меня провели через лабиринт коридоров, толкнули в небольшую, но просторную спальню — простую, без лишних вещей, только кровать, тумбочка и графин воды.

— Жди, — бросили они и захлопнули дверь.
Замок щелкнул.
Я осталась одна.
Без телефона. Без сумки.
Без надежды.

Глава 4 Майя

Я просыпаюсь от собственного вздоха — резкого, прерывистого, будто меня кто-то душит во сне. Сердце колотится так сильно, что кажется, вот-вот разорвёт грудную клетку. Глаза слипаются, голова тяжёлая, будто налитая свинцом.

Где я?

Скрип двери заставляет меня вздрогнуть. В щель проникает холодный свет из коридора, и я понимаю — я так и не укрылась, провалилась в забытие прямо на простыне, дрожащая, как загнанный зверь.

— Доброе утро. — Голос жёсткий, без капли тепла.

Я поднимаю голову и вижу женщину: строгий костюм, тугой пучок, взгляд, от которого кровь стынет в жилах.

— Просыпайся и подготовься. Сейчас придёт хозяин. Потом врачи.

Врачи?

Ледяная волна страха накатывает на меня. В животе шевелится жизнь — крошечная, беззащитная. Моя ладонь инстинктивно прижимается к животу, словно я могу защитить его от всего мира. От них.

— Что вы хотите сделать?— Шёпот вырывается из пересохшего горла.

Женщина даже не смотрит на меня. Она уже разворачивается к выходу.

Дверь захлопывается.

Сердце бешено колотится, в висках пульсирует паника. Глаза лихорадочно скользят по комнате. Окно!

Я подбегаю к нему, хватаясь за подоконник. Первый этаж. За стеклом — задний двор, глухая стена деревьев, ни души. Можно выбраться.

Пальцы скользят по раме, я дёргаю ручку — заперто. — Нет, нет, нет...

Я отскакиваю, прижимаюсь спиной к стене.

Дверь открывается без стука.

Он входит так, будто это его мир, а я — всего лишь случайная деталь, мешающая безупречной картине.

Евгений Зарубин.

Он заполнил дверной проем мощным силуэтом.

Белоснежная рубашка, натянутая на буграх мышц, грозила лопнуть по швам. Узкие брюки подчеркивали спортивную статью.

Дорогой парфюм, холодные глаза, абсолютная уверенность в каждом движении. Не человек - хищник в человеческом обличье. Волосы с проседью уложены с холодной точностью — ни одной прядью не в сторону, не старила - лишь добавляла ледяной, неестественный оттенок. Он благоухает дорогим парфюмом, свежий, отдохнувший, сытый.

А я?

Я — перепуганная, изможденная, с растрепанными волосами и дрожащими руками, прижатыми к животу. Беремен-

ная. Похищенная. Брошенная в этой комнате, как вещь.

— За похищение... — Голос мой срывается, превращаясь в хриплый шепот. — Я... могу...

Слова путаются, язык будто ватный. Я вжимаюсь в стену, словно могу раствориться в ней.

Он даже не смотрит на меня.

Его взгляд скользит по дорогим часам, будто время — единственное, что имеет для него значение. Мое трепыхание, мой страх — для него это фон. Как писк мыши перед львом.

— Тебя сейчас обследуют.

Голос ровный, без эмоций.

— Нет! — Я резко выдыхаю, и в этом крике — вся моя ярость, весь ужас. — Не смейте! Мои родные уже ищут меня! У вас будут большие проблемы!

Наконец он поднимает на меня глаза.

Холодно. Беззвучно.

— Насколько мне известно, у тебя никого нет.

Дыхание сбивается, в висках стучит кровь.

Мысли мечутся, цепляясь за последнюю соломинку — Дима.

Надо было позвонить ему. Умолять о помощи, даже если после всего, что было между нами, это унижительно. Да кто я сейчас обманываю — у меня больше никого нет.

А он стоит напротив — холодный, невозмутимый, с тем же высокомерным взглядом.

— Если ребенок окажется моим внуком... — так спокойно и даже лениво, словно он диктует деловые условия.

Меня трясет.

В дверь стучат.

— Без представлений, Майя, — тихо предупреждает За-
рубин, и в этом шепоте угроза. — В этом доме ты никто.
Только суррогатная мать. Посмеешь сейчас взбрыкнуть при
врачах... Пожалеешь.

Я верю ему.

Потому что уже поняла — в этом человеке нет ни души,
ни сердца.

А значит, он способен на всё.

— За что вы так со мной?

— Пошли. Иди за мной молча, — приказывает.

Я покорно делаю шаг, потом ещё один.

Мы выходим из комнаты, и коридор кажется бесконеч-
ным, словно тоннель в кошмаре.

Дверь открывается, комната, переоборудованная под кли-
нику. Белые стены, резкий запах антисептика, аппаратура,
которой не место в обычном доме. Кушетка с жёсткой плён-
кой. УЗИ-аппарат. Металлический стол с инструментами.

Но это не больница.

Тяжёлые шторы, наглухо закрытые. Камеры в углах — их
красные огоньки мерцают, словно глаза хищников. Охран-
ник у двери — неподвижный, как статуя. И... двое мужчин.
Одна женщина. Все в белых халатах, все с каменными лица-

ми.

— Не волнуйтесь так, — говорит женщина. Голос ровный, без эмоций. Строгие очки, тугой пучок. Сорок лет, не больше. — Мы просто проверим ваше состояние и состояние вашего ребёнка.

— У меня всё хорошо! — голос рвётся, переходит в крик. — Не прикасайтесь ко мне! Я не давала разрешения!

Я оглядываю их — и понимаю: им плевать на мой страх. На мои слёзы. На то, что я похищена, что меня удерживают силой.

Дрожащей рукой тычу в сторону Зарубина:

— Это он! Он...

Но мой «монстр» лишь лениво вздыхает, словно устал от капризного ребёнка. Его пальцы поправляют манжет, взгляд скользит к часам.

Сволочь. Бесчеловечный.

А врачи уже достают датчики, надевают перчатки.

И я понимаю — сопротивляться бесполезно.

— Осмотрите и возьмите нужные анализы. И побыстрее — у меня нет времени.

Голос Зарубина холодный. Раздражённый. Он даже не смотрит в мою сторону — будто я уже не человек, а просто объект.

Один из врачей — мужчина, делает шаг ко мне:

— Вам лучше прилечь. Осмотр пройдёт быстро.

Я мотаю головой, пальцы впиваются в живот.

— Подумайте о малыше, Майя.

Врачиха смотрит на меня сквозь очки, её голос звучит фальшиво-мягко, как будто она уговаривает ребёнка съесть лекарство.

— Осмотр мы всё равно проведём. Это ради ребёнка.

Ложь.

Она преступница в белом халате. Они все знают, что меня удерживают против воли, но их не колышет. Деньги важнее.

— Колите успокоительное. У меня нет времени.

Зарубин бросает это теряя терпение.

Я вижу, как один из врачей открывает чемоданчик, достаёт шприц.

— Не нужно! Пожалуйста, не надо!

Послушно падаю на кушетку, как загнанное животное.

Готовлюсь к унижению.

Я не двигаюсь.

Он стоит в дверях.

Не входит. Не касается меня. Просто наблюдает.

— Разденьтесь до пояса, — говорит женщина-врач.

Я обнимаю живот, чувствую под пальцами лёгкое шевеление.

— Я не буду...

Охранник делает шаг вперёд.

Я сдаюсь.

Пальцы дрожат, пуговицы не поддаются, но я всё же расстёгиваю блузку.

— Снимите верх.

Она говорит это так спокойно.

Я медленно стягиваю блузку.

Воздух в комнате ледяной, он проникает под кожу, заставляет мурашки бежать по телу. Остаюсь в лифчике — тонком, хлопковом, который уже тесен. Грудь набухла, кожа чувствительная, болезненная.

А он всё не уходит.

Стоит. Смотрит. И я уже ненавижу его, всем сердцем и всеми клетками своего тела.

Он стоит у стены, руки скрещены на груди. Его взгляд — тяжелый, медленный, словно руки. Скользит по моим плечам, опускается ниже, останавливается на груди.

Я чувствую его на коже. Будто он уже касается меня.

— И лифчик тоже.

Голос врачихи сухой, безжизненный. Просто констатация факта.

Я замираю.

— Нет.

— Тебе помочь, или все таки сама, — охранник наглый, подает голос.

Мои пальцы дрожат, когда находят застёжку. Щелчок. Ткань соскальзывает.

Воздух обжигает кожу.

Грудь, тяжёлая, налитая, обнажается перед всеми. Я никогда не чувствовала себя такой голой, такой униженной и

уязвимой.

Он смотрит.

Не моргает. Не отворачивается. Наслаждается моментом.

Врачиха прикасается без предупреждения.

Холодные пальцы сжимают, проверяют, оценивают.

— Грудь увеличилась, как положено. Соски пигментированы. Всё отлично для пятого месяца.

Она говорит это громко, чётко, словно докладывает начальнику.

Я стискиваю зубы.

— Молоко появится к третьему триместру.

Пауза.

— Готовы к кормлению?

Этот вопрос — не ко мне.

К нему.

Он молчит.

Но его взгляд задерживается на моей груди — дольше, чем нужно. Намеренно.

Гель льётся на кожу. Холодный, липкий, как его глаза.

Датчик вдавливают в живот.

На экране — силуэт.

Маленький. Живой.

— Пять месяцев. Развитие в норме, шустрый мальчик, — бормочет врач, не отрываясь от монитора.

Шаги тихие, уверенные. Он подходит ближе. Смотрит на экран.

— Делайте ДНК.

Голос тихий, опасный.

Врачи переглядываются.

— На таком сроке только инвазивно. Амниоцентез. Риск выкидыша.

— Делайте.

Он даже не повышает голос.

Но этого достаточно.

И тут я вижу. Иглу.

Длинную. Тонкую. Блестящую под ярким светом. Смертоносную.

— Нет! Это ребёнок Димы! Клянусь!

Голос рвётся из горла, хриплый, дикий. Я бьюсь, но руки уже крепко держат меня на кушетке.

— Остановитесь! Это его! Его!

Чудовище смотрит на меня.

Впервые за всё время — колеблется.

Тишина.

Густая, давящая.

— Я... я клянусь. Это Дима. Только Дима, — слёзы текут по лицу.

Его лицо — камень.

Но в глазах... что-то дрогнуло.

— Ладно.

Он резко поворачивается к врачам:

— Инвазию пока не делайте. Возьмёте кровь. Всё осталь-

ное — по плану.

Врачи кивают.

Игла исчезает. Монстр уходит.

Глава 5 Майя

С тех пор, как меня осматривали, прошли сутки.

Он ушел, даже не оглянувшись. Дверь закрылась, а через мгновение в кабинет вошла та самая женщина — холодная, безразличная, с пустым взглядом.

— Идем, — бросила она коротко, даже не назвав моего имени.

Я умоляла. Сначала требовала телефон, кричала, что это преступление, потом молила помочь мне сбежать. Но ее лицо оставалось каменным.

— Майя, — наконец произнесла она, — У хозяина есть женщина, и лишний шум она не любит. Если не успокоишься, он отправит тебя в дом для слуг. Там у тебя не будет даже своей комнаты.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ярость подкатывает к горлу.

— Верните мне телефон, — прошипела я, едва сдерживаясь, чтобы не броситься на нее.

— Хозяин вернет его, когда ты станешь стабильной.

Стабильной?

— Это чудовище похитил меня. Запер. Раздевал. Осматривал, как вещь. И это я нестабильна?!

— Все претензии, к хозяину, — равнодушно ответила она.

— Но если ты продолжишь в том же духе, тебе не понравится, чем это закончится.

Мы шли по бесконечным коридорам роскошной тюрьмы, и с каждым шагом ненависть во мне росла. Этот дом был прекрасен, как дворец из кошмара, и я проклинала каждый его камень.

— Где он?! — вырывается у меня, пропитанное такой злостью, что даже холодная женщина слегка замедляет шаг. — Где ваш хозяин? Мне нужно с ним поговорить!

Внутри — отчаянная смелость, как адреналин.

И тут же — удар осознания: если бы он стоял рядом, я бы не пикнула.

Ненавижу его.

Каждой клеткой. Каждой каплей крови.

Но и боюсь так, что от одной мысли холодеют пальцы.

— Хозяин покинул поместье. Когда вернётся, мне неизвестно. А захочет ли говорить с тобой, решит только он.

Мы заходим на кухню для персонала, явно не место для шеф-поваров, готовящих изыски для хозяев.

— Тебе разрешено передвигаться только в восточной части особняка. Второй и третий этажи — запрещены. Прогулки — обязательны, но строго под наблюдением и в отведённые часы.

Какой же у него бзик на время и расписание!

Я сжимаю зубы.

— И гулять ты будешь только на заднем дворе. Без шума. Ирина Олеговна не терпит суеты. А теперь, время тебе по-есть.

Ее взгляд скользит по мне сверху вниз.

— Результаты анализов еще не пришли, но я уверена — есть тебя заставят.

Это она намекает на мою худобу?

— А вы кто, как вас зовут, или это тоже под запретом? — не выдерживаю, спрашиваю резко.

Она даже не моргает, робот.

— Я управляющая. Галина Васильевна.

Говорит это с подчеркнутой важностью.

— Все вопросы и просьбы, ко мне.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь не дрожать.

— Мне нужно хотя бы позвонить подруге... чтобы она не волновалась.

Вру.

И мы обе это знаем.

— Твой телефон у Евгения Викторовича.

Произносит его имя с почтительным придыханием, будто это священное имя.

— И только он тебе его вернет, когда посчитает нужным, — повторяет она устало.

Ставит передо мной тарелку.

— Садись. И ешь.

Второе утро в проклятом доме.

Тишина. Гробовая. Такая, что в ушах звенит.

Дверь открывается без звука — даже скрипа.

— Просыпайся, Майя.

Голос Галины Васильевны режет тишину.

— Ранний завтрак и прогулка. Потом тебя снова осматрят

— и по анализам решат, что тебе принимать.

Я медленно сажусь, чувствуя, как холодный воздух обволакивает кожу. Этот дом высасывает тепло.

— Я хочу поговорить с ним.

Галина Васильевна замирает. Ее лицо становится еще жестче.

— Евгений Викторович сам решает, когда с тобой говорить, Майя. Значит время еще не пришло.

Отвечает с раздражением.

— Сегодня у хозяев совместный семейный ужин. Веди себя тихо. Не высовывайся.

Ее глаза скользят вниз, к моему животу.

— И, если понадобится... у меня есть разрешение записать тебя.

Губы ее едва заметно искривляются.

— А мне бы не хотелось... в твоём положении.

еще одна глава листаем, всех благодарю за звездочки девочки

Глава 6 Майя

Стиснув зубы, я заставила себя проглотить хотя бы несколько ложек. Галина Васильевна стояла над душой, словно тюремный надзиратель, её холодный взгляд впивался в меня, оценивая каждый мой жест. "Ешь", — будто приказывали её сжатые губы. Но как я могла есть, если каждый кусок вставал комом в горле? Она наверняка уже доложила ему — своему господину, монстру, — что я снова не доела.

Разве они действительно думают, что у меня может быть аппетит после всего, что они со мной сделали? Как я могу спокойно вынашивать ребёнка, зная, что он — родной дед этого малыша — готов в любую секунду вонзить в меня иглу, лишь бы убедиться, что «это его кровь»? Ему всё равно. Ему вообще наплевать.

Прогулка. Опять эти высокие заборы, эти холодные взгляды охранников. Потом врач — на этот раз женщина, одна, но какая разница? Его не было. И это... бесило.

Женщина в белом халате, с холодными глазами. Осмотрела, измерила давление, пробормотала что-то про «ниже нормы, но для вас это привычно».

— Вам нужно есть. И принимать витамины.

Голос ровный, профессиональный. Будто перед ней не пленница, а обычная пациентка.

— А как, по-вашему, я могу нормально вынашивать ре-

бёнка в таком состоянии? — прошептала я, сжимая кулаки.
— В доме у своего похитителя? Зная, что он отнимет его, как только я рожу?

Мне хотелось кричать, рвать на себе волосы, биться в истерике — лишь бы она увидела. Увидела не просто «беременную», а живого человека, которого сломали.

Но врач лишь вздохнула.

— Для вас так будет лучше.

Ледяная фраза. Без колебаний.

— Моя задача, следить, чтобы ребёнок родился здоровым. Остальное... не в моей компетенции.

Она отвернулась, доставая из чемоданчика пузырьки с витаминами.

Я так хотела высказать ему всё, плюнуть ему в лицо, но как подступить к этому чудовищу? Который хочет отнять у меня ребенка.

Нет. Нет. Я не позволю этому случиться. Я буду бороться до последнего вздоха. Я сбегу из этого проклятого особняка — желательно до родов. Но как?

Дима...

Мысль о нём пронзила меня, как луч света в кромешной тьме. Он мой единственный шанс. Если я смогу до него дотянуться, умолить о помощи... Может быть, он найдёт в себе силы пойти против отца.

А если не он...

Тогда Ирина — та женщина. Может, она поймёт? Может,

если я упаду перед ней на колени, разрыдавшись, она сжа-
лится и поможет мне, убедит этого монстра?

Тени высоких деревьев смыкались надо мной, будто жи-
вые решетки. Воздух был свежий, почти обжигающе чистый
после душной спальни.

За мной, как всегда, шел он — охранник с лицом, слов-
но вырубленным топором. Глаза пустые, движения механи-
ческие. Робот в черной форме.

Особняк. Огромный, холодный, сверкающий позолотой
и мрамором. Как дворец какого-нибудь короля-узурпатора.
Или, вернее, короля-монстра. Потому что именно так он се-
бя и видит — Евгений Зарубин, владелец этих стен. Палач.

Ненависть клокотала во мне, горячая и густая. Я боялась
этой ненависти. Боялась, потому что с каждым часом она
становилась сильнее, а значит — опаснее. Для меня? Для ре-
бенка?

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и молча про-
шла в свою комнату. Моя клетка. Роскошная, с высокими
потолками и шелковыми шторами, но клетка.

Осмотрелась внимательнее. Впервые за все дни пыталась
увидеть не просто стены, а детали. Где камеры? Где слабые
места? Где мой шанс?

Потому что одно я знала точно:

Он — не король.

А всего лишь чудовище, которое когда-нибудь ошибется.
Галина Васильевна ушла, обманутая моим притворным

сном. Дверь закрылась с тихим щелчком, но я не расслабилась — ждала, считала минуты, пока шаги не затихли вдали.

Тридцать томительных минут неподвижности, и вот я уже скольжу по длинному, слабо освещенному коридору, прислушиваясь к каждому шороху.

Мне нельзя здесь быть.

Но если я не рискну сейчас — шанса может не быть никогда.

Голоса. Они доносились из гостиной — громкие, оживленные. Я замерла, вжавшись в тень, за углом.

Они сидели за столом, залитым золотистым светом люстр. Хрустальные бокалы, фарфоровые тарелки, смех, льющийся, как дорогое вино. И среди всего этого — он.

Дима.

Тот самый, который шептал мне о любви, клялся, что Ангелина — просто временное, что между ними ничего нет.

Лжец.

Он сидел, обняв ее за талию, словно не мог и секунды прожить без прикосновения. Создавалась впечатление, что он не просто любил ее, а обожал.

Она — кукла с обложки, с безупречными локонами, с кожей, как фарфор, с глазами, в которых никогда не было страха. Девочка, выросшая в шелках и бриллиантах. Девочка, для которой мир — это балы, путешествия и бесконечная любовь моего Димки.

Моего?

Уже нет.

А напротив — Евгений Зарубин. Холодный, надменный, с женщиной, которая казалась его отражением: безупречная блондинка с бесстрастной улыбкой, будто только что сошла с обложки глянца.

Я стояла, невидимая, словно призрак. Они не замечали меня — слишком были увлечены своим идеальным миром.

Мое сердце сжалось так сильно, что дыхание перехватило. Дима сидел в кресле, расслабленный, улыбающийся, с бокалом вина в руке. Таким беззаботным. Таким... своим в этом доме.

— Ну, отец, ты как всегда прав, — почти игриво засмеялся он.

Дима... он... смеялся, они смеются. Как будто в этом доме не держат в заточении беременную девушку. Как будто ничего не происходит.

Кровь стучала в висках, слезы подступают к глазам. Я стиснула зубы так сильно, что на губе выступила кровь. Солончатый привкус смешался с горечью предательства.

Как же больно.

Дима только что обсуждал свадьбу с этой... с Ангелиной. Их смех, их планы, их счастливые глаза — всё это прожигало меня насквозь.

Я решила.

Злость. Несправедливость. Они сжали моё сердце ледяными пальцами, но вместо того, чтобы сломать — дали силу.

Шаг вперёд. Ещё один. Я вышла из тени, но они не замечали меня — слишком занятые своим изысканным смехом, своими аристократическими шутками.

Наконец Дима поднял глаза. Лживые глаза. Встретился со мной взглядом — и застыл.

Я смотрела на него сквозь слёзы, стиснув зубы так, что челюсти свело болью.

Он побелел. Трус.

Его взгляд дрогнул, скользнул вниз... и задержался на моём животе. На лёгкой, но уже явной выпуклости.

Время остановилось.

Тишина.

И взгляды — острые, ядовито горячие, прожигающие меня насквозь. Я горела.

— Женя, кто это?

Голос Ирины прозвучал нарочито спокойно, но я уловила в нём лёд. Её идеально выведенная бровь чуть приподнялась — единственная деталь, выдавшая презрение.

Он повернулся ко мне — и в его глазах не было ни удивления, ни страха. Только холодное величие человека, привыкшего владеть этим миром. И скука — скука от того, что такая, как я, осмелилась ворваться в его безупречный семейный ужин.

— Небольшое недоразумение, — лениво бросил Евгений.

Глава 7 Майя

— Девочки, не беспокойтесь. Сидите, продолжайте общаться. Дима, ты — со мной.

Его голос прозвучал властно, почти повелительно. Салфетка, брошенная им на стол, легла бесшумно.

Он поднялся со стула — крупный, уверенный, с той грацией, которую позволяли себе только мужчины, привыкшие к беспрекословному подчинению.

— Дима?

Голос Ангелины прозвучал сладко, слишком сладко — до приторности. От него у меня свело скулы.

— Что здесь происходит?

— Ангелина... — начал Дима, но его голос дрожал, предательски срываясь.

Отец даже не дал ему договорить.

— Ангелиночка...

Он обратился к ней так тепло, так ласково, что стало не по себе. Удивительно, как этот человек вообще способен кого-то считать за равного. Хотя... нет, почему же? Только тех, кто в его свите. Только тех, кто стоит на одной с ним ступени.

— Дима потом тебе объяснит.

А потом — резкий, стальной тон, уже без права на возражение:

— Идём.

Дима побледнел. Его глаза метались, ища поддержки, защиты... Мне стало противно видеть его таким — слабым, покорным, безвольным.

И всё же... он послушно встал.

— Он похитил меня...

Евгений уже подходит, его тень нависает надо мной. Лицо искажено гримасой ненависти — кажется, сейчас он раздавит меня одним взглядом. Почему-то обращаюсь к Ирине — из всех присутствующих только в её глазах мелькает что-то человеческое. Или мне так кажется.

— Помогите...

Но договорить не успеваю. Локоть пронзает острая боль — его пальцы впиваются в мою кожу, обжигая, как раскалённые тиски.

— Заткнись, — сквозь зубы шипит он, и его дыхание, горячее, обжигает лицо.

Резкий рывок — и он тащит меня прочь из гостиной, не оставляя шанса на сопротивление.

Кабинет. Дверь захлопывается. Дима заходит следом, даже не моргнув, будто не видит, как грубо его отец обращается со мной.

Смотрю на него с презрением. Так зла, что готова плюнуть в лицо. Но сдерживаюсь — мне не нужен конфликт. Мне нужно выбраться.

Из этого ада.

Из лап этого монстра.

— Дима... — вся дрожу, по щекам катятся слёзы. Плевать на гордость, когда на кону жизнь, мораль уже не имеет значения. — Твой отец похитил меня. Угрожает забрать ребёнка... Прошу, помоги!

Евгений плевал на мои мольбы. Лениво развалившись в кресле из темно-зеленой кожи, он смотрел на меня с холодным равнодушием.

Мой взгляд метнулся к Диме — последняя надежда. Но по его лицу пробежала тень раздражения. Он приблизился, и я увидела в его глазах... отвращение.

— Что ты здесь делаешь? Чего тебе нужно, Майя? Я же сказал — между нами всё кончено.

На секунду мир вокруг замер.

Так вот как.

Со стороны выглядело, будто это я преследую его, будто это мои навязчивые фантазии. Но правда была в другом — я даже не предполагала, насколько он окажется подлым. Образ того холодного, но благородного мужчины, в которого я когда-то поверила, рассыпался в прах.

— Я, чёрт возьми, не просил тебя беременеть! — он бросил это со злостью, будто я была для него чем-то вроде нестерпимой зубной боли, досадной, мучительной, но... незначительной.

Я стояла, словно парализованная. Голова моталась в немом отрицании, но слова застревали в горле. Шок сковал тело, оставив только одно осознание:

Он не просто предал меня. Он даже не считает меня за человека.

— Ты специально всё это затеяла, верно?

Он вплотную подходит ко мне, его пальцы впиваются в плечи, и лёгкая тряска заставляет сердце бешено колотиться. Страх подкрадывается холодными мурашками. Теперь я точно понимаю: от Димы ждать нечего.

— Нет... Мне ничего не нужно, я... я просто хочу уйти отсюда. Твой отец похитил... запер... меня... угрожает...

Слова путаются. Я заикаюсь, будто язык отказывается слушаться — от ужаса, от осознания, что меня не слышат.

— Я не просил всего этого, Майя, пойми! — сквозь зубы шипит он. — Я Ангелину люблю, понимаешь? Что она сейчас подумает, увидев тебя?

— Но ведь твой отец привёл меня сюда силой!! — вырывается у меня, и я даже приподнимаюсь на цыпочках, будто крик может пробить его равнодушие.

— Всё, достаточно.

Грозный рык раздаётся со стороны «трона». Я вздрагиваю и инстинктивно отпрыгиваю назад — даже не от Димы, а от этого внезапного рёва.

— Пап, я всё тебе объясню... — начинает лепетать Дима, но его резко обрывают.

— Заткнись.

Монстр поднимает ладонь — широкую, тяжёлую, словно железная дверь, захлопывающаяся перед моим спасением.

— Иди к своей невесте. И сделай так, чтобы она не расстраивалась. А это...

Он лениво кивает в мою сторону, и в его взгляде — ледяное равнодушие.

— ...больше не твоя забота.

Дима бросает на меня последний взгляд, кивает коротко:

— Понял.

И выходит, хлопнув дверью.

Я остаюсь один на один с монстром.

Он восседает в своем кресле — нет, не кресле, троне — массивном, кожаном, таком же огромном, как он сам. Мускулы, власть, холодный расчёт во взгляде. Даже кондиционер не спасает — прохладный воздух густеет, становится невыносимым.

Потом — скрип.

Он медленно поднимается, и кресло стонет под его весом. Шаг. Еще шаг. Приближается, а я...

Я не отступаю.

Подбородок выше. Взгляд — прямо в глаза. Адреналин жжёт в жилах, давая мне эту безумную, отчаянную смелость.

— Поднимайся к себе.

Он останавливается вплотную, и теперь я чувствую всё: его дыхание, тяжёлое и ровное, парфюм с дорогими нотами, которые кружат голову. Его аура — горячая, бешеная, подавляющая. Я дрожу, но не сгибаюсь.

А он...

Смотрит сверху вниз.

Будто бог, снизошедший до ничтожества.

Бровь приподнята. Руки в карманах. Расслаблен, будто даже не напрягается, чтобы унижить.

— В следующий раз попрошу Галину запирать тебя. Ещё раз такое выкинешь, отправишься жить в дом для прислуги.

— поправляет манжеты.

И обходит меня, направляясь к выходу.

— Ваш сын — такая же сволочь, как и вы.

Я шепчу это, сама не веря, что осмелилась. Губы онемели, слова вырываются сами — видимо, шок и адреналин выжгли во мне все фильтры.

Он замирает.

Поворачивается.

И снова идет ко мне — медленно, неумолимо. Я вжимаюсь в стену, сердце колотится так, будто рвется наружу. Ударит? Придушит?

Но он даже не смотрит на меня. Безразлично.

— Я сделаю скидку на то, что ты беременна и мозг у тебя сейчас слабо работает.

Наклоняется. Руки в карманах. Голос — ледяной.

— Но если продолжишь — лишу языка. Думаю, этот орган тебе для родов не понадобится.

Выпрямляется во весь рост.

Но я больше не могу молчать.

— П-поэтому он вас боится. Потому что вы — садист. По-

этому вырастили труса. И то же самое хотите сделать с моим ребенком?

Бровь взлетает вверх. В его взгляде — всепоглощающая лень, презрение, безразличие...

Но на мгновение — удивление.

Будто мышь вдруг осмелилась оскалиться на тигра.

Меня уже не остановить.

— Я не позволю вам сломать моего ребенка — голос дрожит, но уже не от страха. От ярости. — Вы можете лишиться меня языка, запереть, сломать, но он никогда не станет таким, как вы или как ваш сын.

Он изучает меня. Молчит. А потом...

Уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Интерес.

— Ваш жалкий сын так трясся, когда узнал о беременности... Боялся вашей реакции до тошноты, умолял сделать аборт... готовый убить собственного ребенка.

Я знаю, это глупо, как мышь, бросающая вызов льву. Но мне нужно ранить его, хоть как-то.

— Лучше бы ты сделала аборт.

Он шепчет это спокойно, почти нежно, прямо мне в лицо. Потом медленно выпрямляется, возвышаясь надо мной, и разворачивается к двери.

— Пожалуйста... отпустите нас...

Слёзы катятся по подбородку, предательские, жгучие.

Он останавливается.

Поворачивается через плечо.

Смотрит.

Серые глаза, холодные, как сталь, скользят по мне — сверху вниз, оценивающе, будто взвешивая: стою ли я ещё его внимания?

— Уже нет.

*верите вы или нет, но я вернулась))) как же хорошо дома)
всем привет)*

Глава 8

Евгений

Комната тонула в полумраке, лишь слабый свет ночника отбрасывал дрожащие тени на стены.

Ирина, закутанная в шелковый халат, нервно затягивалась сигаретой, выпуская дым колечками.

— Честно говоря, я в шоке Женя. Эта девочка... беременная, в нашем доме! Как ты вообще допустил такое?

Я стоял у окна. Спинай к ней.

Мой двор раскинулся передо мной — идеально подстриженные газоны, фонтаны, дорожки, выложенные камнем, который привозили из Италии.

— Ну и что? — наконец процедил, не оборачиваясь. — Поживёт. Родит. И уберётся.

Мысленно представил её. Мелкую, тощую, с этой дурацкой чёлкой, торчащей во все стороны. На мышшь похожа. Что вообще нашёл в ней сын? Даже грудей толком нет — до моего плеча едва достаёт. И вот такая теперь носит моего внука. Смешно.

Ирина фыркнула. Резко затянулась сигаретой, выпуская раздраженно дым. Злилась.

— Ты что, не видишь? Она явно всё подстроила! Охотница за деньгами! Таких, как она, я знаю сотни, забеременела специально, чтобы выкачать из тебя состояние!

Что-то не сходилось. Она не торговалась. Не требовала денег. Наоборот — смотрит на меня, как на сущее зло, плачет, упрямится... и меня это бесит.

Повернулся и взглядом скользил по своей женщине, Ири-на...

Тридцать пять. Красивая. Ухоженная. Лучший Топ-менеджер в моей компании.

Два года вместе. Недавно переехала ко мне.

Холодная. Расчётливая. Стерва. Именно за это её и держу.

— Ты уже проверяла её банковские счета?

Ирина замерла.

— Нет, но...

— Значит, не говори глупостей.

— Зачем ей жить здесь? — Ирина не сдавалась. — Она портит твою репутацию! Репутацию «Зарубина»! Давай просто на седьмом месяце сделаем кесарево, вытащим ребёнка — и всё!

Тут я взорвался.

— Я что, ради пары месяцев буду рисковать здоровьем ребёнка? Вырезать его, как щенка из суки?!

Ирина резко замолчала. Перешла черту.

— Я... я просто думаю о твоей репутации...

— Моя репутация — это мой внук. Живой. Здоровый. — сделал шаг вперёд, и она инстинктивно отступила. — Так что заткнись и не лезь не в своё дело. Девка будет жить здесь. Я буду следить, чтобы она родила здорового ребенка.

Мысленно я уже представлял этого ребёнка. Своего.
А эта девчонка... пусть рождает. Потом исчезнет.

Майя

Я проснулась. Вроде никакого сна не было, но сердце колотится так, будто я всю ночь бежала.

Уже привыкла.

Каждое утро – одно и то же. Открываю глаза, а передо мной – не моя комната, не моя кровать, не мои простыни. Чужое. Все чужое. И каждый раз, прежде чем окончательно проснуться, я ловлю себя на глупой, детской надежде: «Может, это всё-таки сон?»

Но нет.

Я в клетке.

И знаю, что после родов её только захлопнут крепче. Потому что отнимут единственного человека, который будет мне родным. Моего ребенка.

Галина не пришла – значит, ещё рано. За окном – серый рассвет, пасмурный, словно и небо сочувствует моей тоске. Может, позже распогодится... А может, и нет.

Я встаю, умываюсь холодной водой. И снова ловлю себя на мысли: «Надо поговорить с Евгением».

Глупо? Наверное. Но у меня нет выбора.

Мне нужно понять, где границы. Насколько я могу давить, насколько могу проверять его терпение. Нужно выиграть время. Притвориться смиренной. А потом...

Потом придумать побег.

Подхожу к шкафу, распахиваю его – и на секунду замираю.

Там полно новой одежды.

Но...

Какая же она унылая.

Широкие, бесформенные платья – будто для беременной тётушки, а не для девушки. Серые, желтоватые, безликие. Носки, трусы, топики – всё самое простое. Даже бюстгальтеры – как будто мне пятьдесят, а не девятнадцать.

На некоторых вещах ещё висит бирки. Видно, что куплено наспех – лишь бы было.

Я не хочу это носить.

Так что надеваю то, в чем была.

Хотя...

Кому какое дело?

Всё равно для них я – никто.

Но не для себя.

И не для своего ребёнка.

Галина так и не пришла — значит, утро ещё слишком раннее. В этой проклятой комнате нет ни часов, ни телефона, даже телевизор не удосужились поставить.

Нашла в комнате пару книг — старых, потрёпанных. Видно, что их никто не выбирал специально. Просто сунули, чтобы было. Может, Галина принесла свои старые романы, которые даже открывать не хочется — они старше меня в два

раза.

Я вышла в коридор.

Огромный, пустой, как склеп.

Ни звука. Ни души. Только мои шаги, тихие.

И тут я увидела ту самую половину — ту, куда мне запрещено заходить.

Там его территория.

Там его кабинет.

Там его спальня.

Я должна развернуться. Должна вернуться.

Но...

Что-то потянуло меня дальше.

Может, картины на стенах — дорогие, как целые состояния, те, что висят только в музеях. Может, просто желание узнать врага.

А потом...

Я слышала.

Сдавленный стон.

Глухой, прерывистый.

Я замерла.

Это не моё дело.

Мне нельзя это слышать.

Но ноги не слушаются.

Шаг. Ещё шаг.

Ближе.

Я шла на звук, потому что он был слишком громким,

слишком... животным. Неуместным в этой холодной, вычурной роскоши.

Чем ближе подходила, тем отчетливее понимала — это Ирина.

Ее стоны были хриплыми, грубыми, почти неприличными. Не томными вздохами из романтических фильмов, а чем-то первобытным, будто она не стеснялась, не сдерживалась — и от этого мне становилось не по себе.

"А вдруг он делает ей больно?"

Мысль пронеслась, как молния. Этот мужчина — чудовище. Он способен на все. Может, он не просто занимается с ней сексом.

Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы видеть.

Через щель в дверях видно было все: Ирина, согнутая на локтях, на кровати, ее пальцы впивались в шелковые простыни, а за ней возвышался Евгений - огромный, мускулистый.

Он держал ее за белые волосы, резко запрокидывая голову назад, и я видела, как ее губы полуоткрылись в беззвучном крике. Глаза закатились, веки дрожали - невозможно было понять, испытывает ли она боль или такое неистовое наслаждение, что готова потерять сознание.

Евгений двигался грубо, почти жестоко, но Ирина не сопротивлялась - наоборот, ее тело выгибалось навстречу, а из горла вырывались хриплые, прерывистые стоны.

Я чувствовала, как по спине бегут мурашки. Это было от-

вратительно. Это было... завораживающе.

Я замерла, не в силах оторвать взгляд. Его тело было совершенным - каждый мускул напряжен, но не дрожал от усилий. Кубики пресса, мощные плечи, руки с проступающими венами, которые так грубо держали Ирину... Он не был мокрым от пота, дышал ровно, будто просто прогуливался.

Когда он резко шлепнул ее по мягкому месту, Ирина вскрикнула, но тут же застонала еще громче.

Я видела, как его пальцы впиваются в ее кожу, оставляя красные следы. Видела, как он полностью контролирует ситуацию, каждое движение рассчитано, каждое прикосновение - с определенной целью.

Я застыла, наблюдая, как их тела сливаются в грубом ритме, как его мускулистые бедра с хлопком встречаются с ее кожей при каждом движении. Когда я робко подняла взгляд, то внезапно столкнулась с его серыми, холодными глазами - он смотрел прямо на меня, не прерываясь.

Это было как удар под дых.

Я резко отпрыгнула назад, непроизвольно зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Сердце бешено колотилось, в ушах звенело.

Он видел.

Он точно видел меня.

И продолжал...

Я сделала шаг назад, потом еще один - и вдруг развернулась, пустившись бежать по темному коридору, спотыкаясь

о собственные ноги.

Я бежала, оглядываясь через плечо, прислушиваясь — но звуки не стихали. Наоборот, казалось, они становились громче, грубее, будто преследовали меня. Ирина стонала, эти хлюпающие, влажные звуки их тел — всё это звенело в ушах, будто я всё ещё стояла у той двери.

И вдруг — столкновение.

Галина.

Она впилась мне в плечи, её пальцы сжались, как клещи.

— Вот ты где! — прошипела она. — Я тебя ищу! Сказала же — не быть здесь! Ты что, совсем дура?

Я не отвечала. Дышала часто-часто, сердце колотилось так, что, казалось, взорвётся.

Она грубо развернула меня и потащила вниз по лестнице.

— Быстро завтракать! Потом тебя опять будут проверять!

Но я её уже не слышала.

В голове стояла только та картина.

Евгений.

Его мускулистое тело, жилы на руках, холодные глаза, которые смотрели прямо на меня.

Ирина.

Её закатившиеся глаза, открытый рот, громкие стоны — от боли? От удовольствия?

Как вообще можно получать удовольствие от такого?

От него?

От этого чудовища?

Любимые через 30 мин еще одна глава

Глава 9 Майя

Меня заставили раздеться и лечь на кушетку. Холодный гель, холодные руки врачихи, холодное помещение — всё, как всегда, будто я не человек, а просто инкубатор. Так и было.

Дверь открывается.

Он.

С чашкой кофе в руке, будто просто зашёл проверить отчеты по бизнесу. Не здоровается. Не смотрит на меня — вернее, смотрит, но как на пустое место.

Врачиха робко поздоровалась, но он даже кивком не удостоил.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони до крови.

Он видел меня.

Там, у той двери.

Он знает, что я подглядывала.

А теперь стоит здесь, словно ничего не было, с тем же ледяным, хищным взглядом. Высокомерно приподнял бровь, скользнул глазами по моему обнажённому животу — без капли стыда, без капли смущения.

Потом лениво перевёл взгляд на экран УЗИ.

На своего наследника.

И тут я не выдержала.

— Сколько можно меня проверять? — голос сорвался,

дрожа от злости. — Каждый день УЗИ! Это же вредно! Разве не видно, что с ребёнком всё в порядке?

Врачиха нахмурилась, но ответила спокойно, будто успокаивая капризного ребёнка:

— Деточка, успокойся. Это всего лишь третий раз, и это абсолютно безопасно.

Но я уже не слушала.

Мои глаза упёрлись в него.

Евгений стоял рядом, холодный, как статуя. Врачиха что-то показывала ему на мониторе, объясняла, а он лишь хмуро кивал.

Потом его взгляд скользнул на мою одежду, сброшенную на стул.

И лицо исказилось от отвращения.

Он двумя пальцами, будто боясь испачкаться, поднял мои поношенные брюки, кофту — всё, что осталось от моей прошлой жизни — и бросил их Галине.

— Выкинь это. Чтобы я больше не видел.

Всё.

Последнее, что у меня было.

— Я не всегда была сиротой! — вырвалось у меня. — Будь мой отец жив, он бы вам лицо расквасил!

Комната замерла.

Врачиха побледнела. Галина застыла с моей одеждой в руках.

А он...

Он даже не изменился в лице.

Только медленно повернулся, взвешивающе окинул меня взглядом — от тапочек которые были мне велики, до дрожащих кулаков — и бросил на ходу:

— После, в мой кабинет.

И вышел.

Не повысив голоса.

Не дав ни единой эмоции.

Осмотр закончился. Из меня снова высосали кровь.

Я осталась в трусах и бюстгальтере — мои вещи уже выброшены, как мусор.

Распахнула дверь шкафа — и передо мной вновь эти убогие, бабушкины платья. Серые, жёлтые, бесформенные.

Но ходить голой я не стану.

Выдернула самое невзрачное — мешковатое, жёлто-серое, на три размера больше. Натянула на себя. Ткань безвкусно болталась, подол цеплялся за колени.

Белые носки — тоже велики.

Короткие волосы собрала в корявый хвост — чёлка, давно не стриженная, лезет в глаза, приходится сдвигать. Но мне плевать.

Я не для красоты здесь.

Я — инкубатор.

И он это прекрасно знает.

Быстрым шагом направляюсь в его кабинет.

Я хотела ворваться.

Хотела так толкнуть дверь, чтобы она врезалась в стену с грохотом.

Но не сделала этого.

Потому что боюсь.

Стучу. Слабый, дрожащий стук — даже сама не слышу этот жалкий звук.

Ответа нет.

Берусь за массивную металлическую ручку — холодную, как его глаза.

Дверь открывается медленно, будто сама боится скрипнуть.

И вот он.

За огромным лакированным столом, в кожаном кресле, как король на троне.

Взгляд тяжёлый, безразличный.

Я наполовину зашла в кабинет, не решаясь сделать ещё шаг.

И вдруг —

— Здравствуйте... — произнесла, робко, еле слышно.

Сорвалось само.

Глупо. Жалко. Как школьница, провинившаяся перед директором.

Я сжалась внутри, ощущая, как горят уши.

Ну дура... Ну идиотка...

Я вижу. Лёгкую, едва заметную усмешку в уголке его губ.

Он заметил.

Он понял.

И тогда издевательски медленно, словно пробуя на вкус моё унижение, отвечает:

— Здравствуй.

Он ленивым жестом указал на стул напротив.

Я тихо села, руки автоматически сложила на колени — как послушная девочка.

— Виделись уже третий раз за сегодня.

И в этих словах — намёк.

На утро.

На то, что он знает.

На то, что я видела.

Но он не злится.

Наоборот.

В его глазах — скучающее равнодушие, лёгкая усмешка.

Как будто я всего лишь развлекаю его.

И от этого меня просто разрывает от ярости.

Для него это — забава.

Для меня — жизнь.

Судьба моего ребёнка.

Моя свобода.

А он сидит там, в своём кожаном кресле, с чашкой дорогого кофе, и смотрит на меня, как на несмешной анекдот.

Я стискиваю зубы, ногти впиваются в ладони, но ничего не могу сделать.

— Вы... — я заставляю себя продолжать. — Вы действи-

тельно собираетесь забрать моего ребёнка?

Он не отвечает сразу.

Пьёт кофе.

Смотрит.

Потом ставит чашку.

— Моего ребёнка, — поправляет он. — И да.

Я сжимаю кулаки.

— А что... что будет со мной?

— Ты получишь деньги, и будешь жить как хочешь. Но в жизни ребенка тебя быть не должно.

Как будто я уже должна быть благодарна, что вообще жива.

— Я... я могу его кормить. Я поняла, что вы не хотите, чтобы я была рядом, но... я могу хотя бы...

Он перебивает:

— Ты будешь делать то, что я скажу.

Я чувствую, как страх смешивается с яростью.

— А если я не согласна?

Его глаза вспыхивают — не гневом, а чем-то более опасным. Интересом.

— Ты думаешь, у тебя есть выбор?

Я молчу.

Придётся играть в его игру.

Притвориться.

— Хорошо! Я согласна! — выпаливаю, словно капризный ребёнок. — Но я требую миллион долларов!

Ошибка.

Сразу понимаю — это звучит жалко.

Как будто я не знаю, какие цифры вообще называть.

Он прищуривается.

Его серые глаза становятся ещё холоднее, ещё пронзительнее, будто рентген, сканирующий каждый мой нерв.

Бровь медленно ползёт вверх.

Настолько высоко, что идеально уложенные волосы сдаются — одна прядь чёлки падает ему на лоб.

Так же, как утром.

Когда он...

Трахал Ирину.

Так же растрёпанный.

Так же дикий.

Я краснею.

Глупо. Неуместно.

Евгений замечает.

Улыбается.

Его пальцы медленно постукивают по столу.

— Ты согласна?

Я киваю, сжимая кулаки.

— Да.

Он прищуривается, изучая меня.

— После родов тебя ждёт психолог. Как у суррогатных матерей. — пауза. — Ребёнка ты сразу не увидишь. Чтобы не было привязанности.

Он смотрит, как яотреагирую...

Я взрываюсь! Вскакиваю.

— Эти деньги мне нужны, чтобы нанять киллера! Что бы отправил вам одну пулю в лоб! — кричу, голос дрожит от ярости. — А вторую прямо в сердце! Хотя нет, в сердце не надо, ведь его, у вас просто нет!

Евгений смеётся.

Громко, искренне.

Я его развлекла.

И сразу поняла — облажалась.

Разворачиваюсь быстро к выходу, но кабинет огромный, а он...

Боже.

Даже не услышала, как он встал. Просто — железная хватка на плече, рывок, и вот я уже прижата к стене.

Его ладонь. Огромная. Грубая. Обхватывает мою шею, не душит, но и не отпускает.

Я замираю.

Он так близко, что его тело полностью закрывает мне обзор.

И этот запах...

Дорогой парфюм. Кожа. Что-то дикое, первобытное. Он заполняет всё пространство, пробирается в ноздри, в лёгкие, в кровь.

Я начинаю дрожать.

От осознания, какая же я дура.

От того, что он видит меня насквозь.

Он смотрит на меня. Сверху вниз. Сделав этот проклятый шаг назад, чтобы лучше разглядеть мое унижение.

— Что мой сын в тебе нашел? - произносит он, и каждое слово новая порция боли. - Такую невзрачную. Еще и глупую.

Я чувствую, как внутри все сжимается. Он ждет ответа. Ждет, что я буду огрызаться, продолжу эту дурацкую игру. Может, даже хочет этого. Чтобы было интереснее. Чтобы было за что меня окончательно сломать.

Но у меня больше нет сил. Ни на борьбу, ни на притворство.

И тогда происходит то, чего я больше всего боялась.

Я срываюсь.

Громко. По-детски нелепо. Слезы бьют фонтаном, горячие, соленые, они текут по моему лицу, капают на его руку, которая все еще держит меня у стены.

И вдруг...

Его пальцы разжались так резко, будто моя кожа вдруг стала раскалённой. Он отпрыгнул назад, когда мои рыдания разорвали тишину кабинета.

На его лице - всего на долю секунды - мелькнуло что-то... человеческое. Растерянность? Досада? Нет, не может быть. Это чудовище не способно чувствовать.

Но он взял себя в руки быстрее, чем я успела моргнуть.

А я...

Я все еще дрожу. Все еще чувствую на своей коже следы его пальцев. Все еще слышу этот проклятый голос, повторяющий: "Невзрачная. Глупая."

Но самое страшное - где-то в глубине я понимаю, что он прав.

— Успокойся и выйди, подойдешь к Галине, я ее сейчас предупрежу, — бросил он уже своим обычным ледяным тоном, жестом указывая на дверь.

Я стояла в полуметре от выхода. Всего-то - развернуться и уйти. Но что-то внутри меня взбунтовалось.

Вместо отступления - я сделала два шага вперед.

И со всей дури ткнула плечом в его грудь.

Ох, как же сладко было видеть, как этот всегда невозмутимый гигант отшатнулся от неожиданности! Его брови взлетели к волосам, глаза расширились. На миг он выглядел... почти обычным человеком.

Я уже мчалась к двери, когда его рык догнал меня:
"Идиотка!"

Дверь захлопнулась за моей спиной прежде, чем он успел что-то добавить.

Как вам глава? сейчас начнется все самое интересное. благодарна всем за подписку, и еще очень нужны ваши звездочки для продвижения)

Глава 10 Евгений

Бумаги. Цифры. Город, раскинутый за окном моего офиса, как личная империя. Обычный вечер, спокойный, почти скучный — контракты подписаны, проблемы решены. Можно выдохнуть, налить виски, подумать о чём-то далёком...

Но дверь распахивается без стука.

Ирина. Входит так, будто знает — я её ждал, даже если сам этого не осознавал. Новое платье. Красное. Одно плечо обнажено, вырез подчёркивает её грудь, высокую, упругую — да, силикон, но кто сказал, что это плохо? Она умеет себя подать. Шаг — плавный, бёдра покачиваются в такт её уверенности. Хищница. Садится напротив, закидывает ногу на ногу. Чёрные лаковые лодочки, каблук — оружие. Взгляд — тоже. Член дёргается, наполняясь кровью.

В её глазах — тот самый огонь, который когда-то меня зацепил. Но сейчас я едва поднимаю взгляд от отчетов.

— Представляешь, Ангелина выбрала платье за полмиллиона евро! — Ирина сияет, будто это её собственная свадьба. — И это только начало! Торт, двести тысяч, цветы ещё триста. А банкет? Ох, Женя, это же просто безумие!

Я медленно откладываю ручку.

— Зарубины и Коралёвы могут себе позволить.

— Ну конечно! — она смеётся, облизывая губы. — Но это же не просто свадьба, это событие года! Ангелина, потряса-

ющая, ты даже не представляешь, какая она умница. И красивая! И стильная! Мы с ней так сдружились...

Её голос становится фальшиво-восторженным. Я знаю эту игру. Она хочет, чтобы я восхищался вместе с ней. Чтобы я видел, какая Ангелина блистательная, какая идеальная партия для моего сына.

Но в голове — Майя.

Её глаза. Заплаканные. Ненавидящие.

Она смотрит на меня, как на палача. Столько презрения, что у меня сжимаются кулаки.

Кто она такая, чтобы так смотреть на меня?

Меня бесит её страх. Бесит, что она не пытается торговаться. Она просто... ненавидит. И почему это меня задевает?

— ...а после свадьбы, Мальдивы! — Ирина продолжает, не замечая моего отсутствия. — Я уже присмотрела купальники. Месяц в раю, Жень...

Она вдруг замолкает, наконец уловив мой взгляд.

— Ты вообще меня слушаешь?

Я откидываюсь в кресле.

— Слушаю.

— Тогда почему такой каменный? — она встаёт, подходит, садится ко мне на колени. Её пальцы скользят по моим плечам. — Всё в порядке?

Я не обнимаю её в ответ.

— Всё. Доделаю дела, поедem домой.

Она замирает.

— Домой? Я думала, мы куда-то ходим...

— Не сегодня.

Она ждала другого. Ждала, что я сорвусь с места, закручу её в этом кабинете, как бывало раньше. Трахну прямо на столе.

Но сегодня — не её день.

Она резко встаёт.

— Как скажешь.

Эта стерва знает себе цену, выходит не оборачиваясь захлопывая за собой дверь.

Я тут же хватаю телефон, набираю номер. Две гудка — и в трубке слышится спокойный, почти безэмоциональный голос:

— Да, Евгений Викторович, слушаю.

Галина. Надежная. Холодная.

— Что она делает? — без приветствий, без лишних слов.

— Гуляла утром и днем. Сейчас у себя в комнате. Не выходила.

Я представляю эту комнату. Её в ней.

— Ясно.

Вешаю трубку.

Огромный обеденный зал особняка. Стол ломится от еды: стейк с кровью, запеченные овощи, вино. Ирина сидит напротив, сверкая новыми серьгами, которые я ей подарил на прошлой неделе. Она умело орудует ножом и вилкой, броса-

ет на меня оценивающие взгляды.

А я не могу есть.

Вино — как вода. Мясо — как резина. Даже запах, обычно возбуждающий аппетит, сегодня вызывает тошноту.

— Ты какой-то напряженный, — наконец говорит Ирина, откладывая бокал.

Я молчу.

Она не ошибается.

Во мне — напряжение, как натянутая струна. И дело не в работе. Не в контрактах. Не в Ирине.

Дело в той, что сейчас сидит в своей комнате.

В той, что ненавидит меня.

И почему-то это бесит меня больше, чем должно. Словно по нарастающей.

— Женя? — Ирина наклоняется вперед, брови сведены.

Я отодвигаю тарелку.

— Не сегодня, Ира.

Её глаза вспыхивают, но она сдерживается. Просто пьет вино.

Официантка в белых перчатках почтительно ставит передо мной серебряное кофейное блюдо с рафаэлло ручной работы, когда из полумрака столовой появляется Галина. Тень от её строгого костюма скользит по паркету.

— Евгений Викторович, вы меня звали?

Я провожу пальцем по позолоченному краю блюда, чувствуя холод металла.

— Как она ела сегодня?

За моей спиной замирает официантка с подносом.

Галина бросает на неё беглый взгляд — и девушка мгновенно растворяется в дверном проёме.

— Ест, как всегда, очень плохо. — Галина складывает руки перед собой. — Глаза заплаканные, бледная.

Фарфоровая ложка тихо звякает о блюде. Ирина перестаёт наслаждаться своим десертом, наблюдая.

— Остальное мне неинтересно. Я спросил, как она ела.

Галина вздыхает — единственная уступка эмоциям за десять лет службы.

— Ест плохо.

Ирина медленно вращает бокал, наблюдая, как последняя тень экономки растворяется в дверном проёме.

— Тебе ведь не нужны лишние глаза и уши? — её губы касаются хрустального края. — Отправь её в тот дом у озера. С охраной. Пусть живет там.

Я медленно откладываю нож.

— Тебе так мешает эта девочка?

Она не моргает:

— Я не стану скрывать — да, мешает. Ты не видишь, но это чистая манипуляция. Вся её «беспомощность» — театр... И весь дом уже ею пропах.

Я ухмыляюсь.

— Ты серьёзно считаешь, что дом в тысячу квадратов может пропахнуть одной беременной девочкой?

Её губы складываются в тонкую ниточку.

— Чем же она пахнет, по-твоему?

Мне вдруг любопытно.

Ирина бросает на стол салфетку.

— Раздражителями. И дешёвкой.

Я откидываюсь в кресле, смотрю на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ладно. Я подумаю над твоим предложением.

Мой тон ясно даёт понять — разговор окончен.

Мерцание MacBook выхватывает из темноты контуры дубового стола. За окнами — плотная ночная синева.

Цифры в отчётах плывут перед глазами. Пальцы механически стучат по клавишам, но мысли где-то далеко. Где-то в доме тикают напольные часы, отсчитывая время до полуночи.

Вместо строк кода перед глазами — её глаза.

Бледные пухлые губы. Тонкие пальцы, сжатые на коленях. И этот взгляд — полный ненависти, словно я не человек, а палач.

Стискиваю зубы. Отбрасываю ноутбук в сторону.

Резкая злость выжигает мозг, как кислота.

Ноги сами несут меня по коридору. Быстро. Почти бегом.

Зачем стучать? Это мой дом. Моя комната. Мой ребёнок.

Дверь распахиваю без предупреждения.

Её комната.

Она лежит на кровати, в руках — потрёпанная книга. При

моем внезапном появлении вздрагивает, вскрикивает — тихо, но этого достаточно.

Книга падает на пол с глухим стуком.

Она вскакивает, прижимается к стене, будто я — монстр, пришедший её разорвать.

И это... бесит.

— Ты что, думаешь, я тебя ударить пришёл?

Она молчит. Только дыхание учащённое, прерывистое.

Замечаю, как её руки инстинктивно прикрывают живот.

Как же бесит. Сука.

И этот жест — одновременно защитный и обвиняющий — заставляет мою кровь стынуть.

— Ложись. Не нервничай, — бросаю сквозь зубы.

Но она не двигается.

Глаза всё так же горят ненавистью.

Тень от моей фигуры накрывает её полностью. Вплотную подхожу, чувствуя, как она замирает, прижавшись к стене.

Осознаёт, что, возможно, перегнул. Слишком резко вошёл, слишком агрессивно.

А она правда пахнет. Чем то...

Надо успокоиться.

Глубокий вдох. Пауза.

— Мне доложили, что ты опять не ешь.

Она не отвечает. Просто смотрит.

И этот взгляд — будто я не человек, а что-то чудовищное — снова заставляет мою кровь закипать.

Пусть боится. Пусть ненавидит. Зато будет послушной.

— Значит так. — наклоняюсь чуть ближе, чтобы каждое слово врезалось в сознание, и внезапно, этот проклятый аромат. Грудь рефлекторно расширяется, лёгкие уже готовы вдохнуть полной грудью, но я резко задерживаю дыхание.

— С завтрашнего дня ты будешь есть при мне. — Вижу, как её зрачки расширяются, как дрожит нижняя губа. Но я не могу остановиться. Ноздри чуть, предательски втягивают воздух. — Если ещё раз услышу, что капризничаешь, я лично буду тебя кормить. И тебе, девочка, это не понравится.

Чем же пахнет Майя , спросити вы? объясню так как Женёк расшифровать это не смог)))

Она пахла тем, чего он давно не чувствовал — настоящим.

Не парфюмерной композицией в три ноты, не дорогим мылом из бутиков — а тёплым молоком, чуть сладковатым от гормонов беременности. Детским кремом с той самой аптечной ванильной ноткой, которую он не слышал с тех пор, как сам был ребёнком. И чем-то ещё — чистым потом, чуть солоноватым, как у всех живых людей, но смешанным с чем-то неуловимо-девичьим, будто спелые персики на солнце. В этом не было ни грамма искусственности — только её кожа, её дыхание, её страх, который тоже имел запах.

Кажется Женёк попал. а как он скоро будет ее вылизы-

вать, при чем везде ой ей))))

Глава 11 Евгений

Раннее утро.

Я приказал сервировать стол с изысканной роскошью — пусть ломится от изобилия: свежие устрицы на льду, трюфельный омлет с золотой икрой, воздушные круассаны с миндальной начинкой, гранатовый сок в хрустальном графине. Пусть видит, что значит завтрак в доме, где деньги — не вопрос.

Обычно она ест на кухне, вместе с прислугой, но сегодня я велел разбудить ее раньше — мне нужно было успеть в офис, да и... любопытно стало. Как она себя поведет? Притворится ли благодарной? Или выдаст себя?

Девчонка сидит напротив, сжавшись, будто загнанный зверек. Глаза бегают по столу — наверное, впервые видит столько роскоши в одном месте.

Беременная, а выглядит как перепуганный подросток. Руки дрожат, когда она берет кусок тоста, словно боится что-то сломать.

— Ешь, — бросаю я, наблюдая, как она медлит. — Или тебе ничего не нравится?

Она молчит, лишь сжимает вилку так, что костяшки белеют. Раздражение подкатывает комом к горлу. Чего она ждет?

Не выдержав, я резко протягиваю руку и кладу ей на тарелку ломтик лосося в медовой глазури — дорогое, изыскан-

ное, то, что должно вызвать восторг. Но она лишь напрягается еще сильнее, словно я подсунул ей отраву.

Терпение начинает лопаться.

— Попробуй это.

Мой голос звучит как приказ, но она не реагирует. Вообще. Ни слова. Ни взгляда. Словно я разговариваю со стеной.

С вчерашней ночи она не проронила ни звука. Если это её способ вывести меня из себя — то чертовски действенный.

Я наблюдаю, как она осторожно подносит вилку ко рту, пробует кусок трюфельного омлета. Морщится. Даже не пытается скрыть отвращение.

— Не нравится? — шиплю я, и в голове уже начинает пульсировать знакомая тягучая ярость.

Опять это молчание.

Не выдерживаю. Набрасываю ей на тарелку ломтики устриц в лимонном желе, каппадокийские финики, кусочек фуа-гра.

— Ешь.

Она водит вилок по тарелке, будто копается в мусоре. Кивает головой, но ничего не берет.

— Бери то, что тебе нравится, чёрт возьми! — голос рвётся, становясь грубее.

Она снова качает головой.

Мелкая. Дрянь.

Раз — и мой кулак обрушивается на стол. Тарелки вздрагивают, ножи звенят, бокал падает.

Она взвизгивает — резко, по-кошачьи. Глаза мгновенно наполняются слезами, губы дрожат. Ещё секунда — и она срывается с места, убегает, оставив за собой только лёгкий запах, свой проклятый и глухую тишину.

— Сука... — выдыхаю я сквозь зубы, сжимая кулаки до хруста.

Встаю, наклоняюсь, упираюсь ладонями в стол. Дышу тяжело.

— При всём моём уважении, Евгений Викторович, но она ещё ребёнок.

Я медленно поднимаю голову. Десять лет. Десять лет она служит в этом доме — и никогда не позволяла себе отчитывать меня.

— Галина Васильевна, не вмешивайтесь.

Говорю сквозь зубы, чувствуя, как ярость пульсирует в висках. Стою, сжимаю-разжимаю кулаки, другой рукой резко провожу по непослушным волосам. Эта мелкая дрянь вывела меня на грань.

— Чего встали? — бросаю ей резко, указывая на дверь. — Идите и успокойте девчонку.

Экономка смотрит на меня усталым, взрослым взглядом. В её глазах — не просто разочарование. Что-то глубже. Что-то вроде жалости.

Меня это бесит ещё сильнее.

Но она не спорит. Молча разворачивается и уходит — туда, куда я послал.

А я остаюсь один среди разгромленного завтрака, с огнём в груди и вкусом горечи на языке.

Еще пару минут и не выдерживаю, ноги сами несут меня к её комнате.

Какого чёрта? В собственном доме я вынужден красться, как вор, притаившись у приоткрытой двери?

Из щели доносится задавленный шёпот, прерывающийся всхлипами:

— Он чудовище... Чудовище...

— Майя, успокойся. Подумай о ребёнке, — ровным, но усталым тоном отвечает Галина, стоя у кровати со сложенными на замке руками.

Я замираю, прислушиваясь.

— Которого это чудовище у меня отнимет.

Я знал, что она меня ненавидит. Но это ее «чудовище»...

Бешенство вскипает в груди, горячее и густое.

Хватит. Распахиваю полностью дверь и вхожу.

Девчонка вздрагивает, вскрикивает — коротко, по-звериному. Глаза расширяются, зеркаля чистый ужас.

Сидя на кровати, она мгновенно подтягивает ноги к себе, обхватывая их руками, будто хочет исчезнуть в этом широком, бесформенном платье, в котором тонет, как ребёнок в чужой одежде.

— Евгений Викторович, простите... Можно вас на пару слов?

Галина бросает на меня тяжёлый взгляд, но я лишь отма-

хиваюсь, не отрывая глаз от этой мелкой дряни.

А она...

Не говорит больше. Уткнулась лбом в колени.

Мы выходим с Галиной в коридор, и я прикрываю за собой дверь.

— Ты слишком много стала себе позволять, Галина Васильевна, - говорю сквозь зубы, специально делая ударение на "ты".

Она вздрагивает - прекрасно понимает, что когда я перехожу на "ты", это граничит с последним предупреждением. Ее лицо бледнеет, но она держится с привычной выдержкой.

— Прошу прощения, Евгений Викторович... - начинает она, но я резко поднимаю руку, прерывая.

— Прежде чем вы туда вошли, я хотела доложить... Сегодняшний инцидент, проблемы с питанием Майи... - Галина делает паузу, подбирая слова. - Дело в том, что она не ест эти изыски. Не потому, что капризничает... Ей они просто не нравятся.

Я медленно сжимаю кулаки, чувствуя, как гнев снова подкатывает к горлу.

— Ее предпочтения... достаточно просты, - продолжает экономка, осторожно наблюдая за моей реакцией. - Но полностью обеспечивают потребности ребенка. На завтрак - вареное яйцо, бутерброд со сливочным маслом, сладкий чай... или творог со сметаной...

Она замолкает, видя, как мои пальцы впиваются в двер-

ной косяк.

— Так-так... - медленно растягиваю слова, чувствуя, как горячая волна ярости поднимается от шеи к вискам. - И почему я узнаю об этом только сейчас? У этой... - делаю намеренную паузу, - малолетки с пузом что, ни языка, ни рта нет?

Галина съеживается, но отвечает твёрдо:

— Потому что она вас боится. До дрожи в коленках. А мне... - её голос становится тише, - не доверяет настолько, чтобы откровенничать.

Резкий хруст - это мои зубы сжимаются так сильно, что челюсть начинает ныть.

— А ноги раздвигать перед моим сыном она не боялась, - выплёвываю каждое слово. Но это я говорю скорее себе.

Мгновенный кадр вспыхивает перед глазами:

Она. На смятых простынях. Голая. Тело выгнуто в неестественной дуге, губы приоткрыты в беззвучном стоне. Глаза закатываются... От боли? Или от члена который входит в нее?..

Я резко моргаю, словно пытаюсь стереть этот образ веками. Но он въелся в сетчатку - горячий, липкий, невыносимый.

Сколько их у нее было до моего сына?

Как она стонала под другими?

Почему я вообще об этом думаю?!

Отвращение подкатывает волной - к ней, к себе, к этой

грязной картинке в голове.

Экономка опускает глаза, её плечи слегка ссутуливаются - знакомая поза вины. Но мне это уже осточертело.

— Ладно. Свободна, - резко киваю в сторону, давая понять, что разговор окончен. Жду, пока её шаги не затихнут в коридоре.

Глубокий вдох. Выдох. Ещё один - медленный, через нос. Рука сама тянется к ручке двери...

Комната залита мягким светом - шторы полуприкрыты. Девчонка сидит на кровати, обхватив колени, и при моём появлении буквально вжимается в спинку кровати.

В её взгляде столько первобытного страха, что на мгновение мне становится... неловко?

Но это мгновение проходит. Я тщательно закрываю дверь за спиной, слыша, как щёлкнул замок. Теперь мы одни.

— Ну что, Майя, - начинаю тихо, делая шаг вперёд, - давай-ка поговорим по-взрослому...

Она не отвечает. Только её пальцы белеют от того, как сильно впиваются в собственную кожу. Интересно, понимает ли она, что этим лишь разжигает мою ярость?

Но сегодня я попробую другой подход. Медленно, демонстративно сажусь на кровать рядом с ней, просто потому что в этой комнате не куда больше сесть.

Девчонка тут же поджала ноги ещё сильнее, обхватив колени руками — пальцы сцепились в замок.

Сквозь чёлку, почти скрывающую глаза, я разглядел её

нос — маленький, вздёрнутый, словно кнопка, усыпанный россыпью веснушек. Ниже — неестественно пухлые губы. Нижнюю она закусилась так сильно, что та побелела.

— Я всё понял. По твоему питанию... точнее, по его отсутствию. Галина мне объяснила. Теперь меню будет другим. Знакомым тебе.

Пытался до неё достучаться, но в ответ — тишина.

Сдерживаю раздражение, но взгляд снова застревает на её лице. Если бы не знал, что живая — решил бы, что кукла. Такая же хрупкая, ненастоящая.

Хочу добавить что-то ещё — заставить её заговорить, но слова застревают в горле. И тут её девичий голос разрывает меня.

— Мне здесь очень одиноко... — её голос дрожит, почти не слышно.

Я не отвечаю сразу. В комнате становится ещё тише.

— Ты же привыкла к одиночеству, — говорю я, сухо, с нажимом. — Насколько я знаю, у тебя никого не осталось.

Она вздрагивает, опускает глаза.

— Привыкнуть можно ко всему... — тихо отвечает она. — Но это не значит, что становится легче.

Я снова смотрю на неё: хрупкая, будто из фарфора.

— Здесь безопаснее, — вырывается у меня и что-то ёкает в груди. — Но...я. Понимаю... — вырывается у меня, и сам не ожидаю такой мягкости. Голос звучит чужим, слишком низким, будто я пытаюсь заглушить им собственную жесто-

кость.

Она не отвечает, только чуть разжимает пальцы. Замечаю, как подол её платья приподнялся, обнажив ногу. Маленькую. Стопа припухла, пальчики крошечные, как у ребёнка.

Не думая, хватаю её за щиколотку — и она вся уместается в моей ладони. Хрупкая.

Она вздрагивает, но не отдергивается.

— Нога опухла. Что-то болит? — спрашиваю, и это звучит как обвинение. Себе.

Она молчит, но её дыхание учащается. Я чувствую пульс под пальцами — частый, испуганный.

— Немного... — наконец шепчет она. — Но это... нормально.

"Нормально". Словно что-то здесь вообще может быть нормальным.

Моя рука сжимает её чуть сильнее — не то чтобы больно, но так, чтобы она почувствовала.

— Ничего здесь не "нормально", — рычу, но тут же смягчаю хватку, глажу большим пальцем косточку.

Она замирает. А я...

Я не знаю, чего хочу: чтобы она боялась или чтобы снова заговорила этим голосом, от которого у меня вибрируют внутренности.

— Нет, мы это по-любому проверим, — резко бросаю, но тут же выдыхаю, сдерживая грубость. Она же снова замкнется.

Она слабо качает головой в сторону:

— Нет... у меня часто так. Потом проходит.

Но я уже не слушаю. Хватаю её вторую ногу — эта не такая припухшая, но всё равно... Маленькая. Хрупкая. Обхватываю обе щиколотки ладонями — и отчётливо слышу, как она резко вдохнула. Вижу, как мурашки пробежали по её коже.

Что, боишься? — хочется спросить с усмешкой, но вместо этого наклоняюсь ближе.

Вдыхаю её запах — лёгкий, чуть сладковатый, с оттенком чего-то незнакомого. Раздражает. Сводит с ума.

Она замирает. Но не отстраняется.

— Я поручусь. Тебе вернут телефон завтра.

Её глаза — огромные, голубые — впервые по-настоящему фокусируются на мне. Зрачки расширяются, губы приоткрываются от удивления. Я громко сглатываю, видя ее реакцию.

— П-правда? Прямо телефон? Прямо с сим-картой?

Не могу оторваться от её взгляда. От этих чуть влажных губ.

— Да. Прямо телефон.

— Я... я могу подруге позвонить?

— Можешь. — Говорю уже на автомате. — Куда хочешь. Кому хочешь.

Просто чтобы слышать её снова.

— Спасибо!

Её голос звенит, как колокольчик, искренний, светлый, будто на секунду она забыла, где находится. Забыла, кто я.

— Женья?

Резкий, чужой голос.

Я отшатываюсь от девчонки, как от огня.

На пороге — Ирина. Одетая, собранная. Готовая к работе.

Но её лице — шок.

Взгляд мечется от меня к девчонке за моей спиной.

— Ты готова? Тогда поехали. — говорю слишком резко.

Ирина кивает.

Я резко выхожу, не оглядываясь.

Ирина очень опасная женщина (

Глава 12 Майя

— Вот твой телефон и зарядка.

Галина протянула мне гаджет, и его холодное стекло обожгло пальцы. Сердце заколотилось так сильно, что в висках отдавалось глухим стуком. *Дыши, Майя. Соберись. Надо думать.*

— И ещё, Майя... — Галина задержалась в дверях, её взгляд стал тяжёлым, почти предостерегающим. — Постарайся не говорить... лишнего.

Она вышла, оставив меня одну с ледяным комом в груди. Я сжала телефон в ладонях, торопливо воткнула зарядку и присела на край кровати, не в силах усидеть на месте. *Включись, ну пожалуйста!*

Мысли метались, цепляясь за обрывки планов: *Кому звонить? Что сказать? Может, сразу в полицию?* Но тут же всплыли слова Галины: *«Не говорить лишнего».*

О Боже...

Всё стало на свои места. Он *прослушивает*. Экономка не просто так предупредила. Губы дрогнули — я чувствовала, как сжимается горло.

Телефон резко завибрировал, загорелся экран — и тут же взорвался лавиной уведомлений. Я даже не успела сообразить, что делать, как на дисплее всплыло имя: «Аня».

Моя подруга.

— Боже, Майя! Куда ты пропала?! — голос Ани в трубке звучал почти истерично, сдавленно.

Я сжала телефон так, что пальцы побелели, и сделала глубокий вдох. *Не плачь. Не показывай, что что-то не так.*

— Привет, Ань... — голос дрогнул, но я быстро взяла себя в руки. — Со мной всё в порядке, успокойся.

— Всё в порядке?! — она буквально фыркнула от возмущения. — Ты пропала, не предупредив! На работе сказали, что просто уволилась. Хотя бы раз сложно было позвонить, Майя?!

Горло сжалось. Если бы ты знала...

— Прости, Ань... — глаза предательски зажглись от потока слез, но я стиснула зубы. — Меня... забрал к себе папа Димы.

Тишина. Потом резкий вдох.

— Что? — её голос стал тише, но в нём читался шок. Она знала. Знала всё. — Он... узнал про ребёнка, да?

— Да... — выдохнула я, прикусывая губу до боли. — В общем... его внук должен расти в комфортных условиях. — Лживая улыбка прокралась в голос. — Это же Зарубин. Ну ты понимаешь...

Молчание. Долгое. Я слышала, как Аня переваривает информацию, пытаюсь понять, шучу я или нет.

— Ну... ничего себе. — наконец выдавила она. — И что, трудно было позвонить, сказать, что с тобой всё в порядке? Ладно, проехали... Главное, что ты жива-здорова.

Разговор стал короче, вежливее. Я смеялась там, где надо, соглашалась, кивала. Но внутри уже знала — она мне не поможет. И втягивать её в это — значит подписать ей приговор.

— Обязательно встретимся как-нибудь! — бодро сказала я перед тем, как положить трубку.

Экран погас.

И тогда я разрыдалась.

Вечер. После ужина. Меня снова повели гулять. В гардеробной висел серый вязаный жакет — огромный, бесформенный, но чертовски теплый. В самый раз для промозглой осени. Боже, кто выбирает эти чудовищные вещи? Я уверена — это делается специально, чтобы я выглядела жалко, неуклюже.

Путаясь в длинных рукавах, я вышла во двор. Листья — багряные, золотые — медленно кружились в воздухе, падали под ноги. Раньше я обожала это время года. Теперь же осень казалась такой же холодной и безжизненной, как и моя жизнь.

Охранник стоял в двадцати шагах, спиной ко мне. *Хорошо, что хотя бы не смотрит.*

Я медленно шла по дорожке, вдыхая сырой воздух, когда боковым зрением заметила, как распахиваются массивные ворота. Во двор въехала черная машина.

Сердце бешено заколотилось, словно пыталось спрятаться где-то глубоко внутри. *Он приехал. Слишком рано.* Обычно он возвращался поздно, когда я уже была в своей комнате.

Я резко свернула за угол, за высокую кирпичную стену – подальше от его глаз. Но куда тут денешься? Этот двор – его владение. Его личный лес, его деревья, даже воздух здесь, казалось, принадлежал ему.

Подошла к необычному дереву с причудливой корой, прикоснулась ладонью к шершавой поверхности. Холодное дерево, холодные пальцы.

— Свободен.

Мурашки побежали по спине.

Евгений.

Охранник, не говоря ни слова, исчез.

Я подняла глаза – и встретила с его взглядом. Темно серым, неотрывным. Он медленно шел ко мне, а я бессмысленно прижималась к дереву, пряталась за ней, будто могла раствориться в его коре.

Он подошел вплотную.

И встал с другой стороны.

Я стояла за толстым стволом, не видя его лица — только боковым зрением замечала его широкие плечи, смуглые руки, одну из которых он небрежно засунул в карман брюк. На запястье поблескивали массивные серебристые часы.

— Д-добрый вечер... — сорвалось у меня на автомате. Проклятая привычка, быть вежливой даже с теми, кто этого не заслуживает. Я тут же прикусила губу. Дура. Надо было молчать.

— Добрый, — он ответил с едва уловимой насмешкой, и

в тот же миг меня накрыло волной его парфюма, дорогого, тяжелого, с нотками кожи и чего-то древесного. И под ним, его собственный, неприлично знакомый запах.

Он сделал шаг в сторону, заглянул за ствол — и поймал мой взгляд. Я инстинктивно отпрянула, по-детски пытаюсь спрятаться с другой стороны дерева. От этого жеста он тихо, хрипло рассмеялся, так, что мурашки побежали по спине.

Я поняла, что это бессмысленно. С ним такие игры не проходят.

Он остановился вплотную, и я упрямо опустила глаза, продолжая водить ладонью по коре, будто это могло меня спасти. Второй рукой я судорожно куталась в жакет, чувствуя, как от его близости внутри всё сжимается. Черт, щеки наверняка покраснели... Ненавидела себя за эту предательскую реакцию.

— Ну как вы тут? — его голос прозвучал слишком спокойно для человека, который держит меня в плену.

Я не ответила.

И тогда его рука — смуглая, с выступающими венами и холодным блеском часов — медленно двинулась к моему животу.

Я резко отпрянула, едва сдержав вскрик. Шаг был красноречивее любых слов: Прикоснуться ко мне нельзя.

Воздух между нами напрягся до предела.

Он сделал уверенный шаг вперед, и я вжалась спиной в шершавую кору дерева. Его рука не просто осталась на месте

— она нагло, властно скользнула под мой жакет.

Горячая ладонь прижалась к обтянутому тонкой тканью животу.

Я аж захлебнулась воздухом — настолько это было неожиданно. Его прикосновение прожигало сквозь платье, и я застыла, пригвожденная к дереву, не в силах даже выдохнуть.

А он... словно ничего не замечал.

— Не замерзли? — его голос звучал спокойно, будто так и надо.

Я не успела ответить — его вторая рука скользнула за поясницу, отрывая меня от дерева, а первая продолжала держать, сжимать, гладить мой живот.

Он был такой большой — его ладонь почти полностью накрывала выпуклость, и от этого казалось, что я еще меньше, еще беззащитнее.

От контраста — холодный осенний воздух и его жар — по телу разлилось тепло. Дыхание сбилось, сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его.

Евгений ничуть не смущался.

Он просто держал.

Будто это его.

Будто я — его.

«Что, если кто-то увидит?»

«Как это выглядит со стороны?»

Охранники, слуги, экономка — все они, наверное, привыкли к тому, что хозяин — железный, холодный, нечелове-

чески недоступный. А сейчас?

Если бы кто-то вышел во двор и увидел эту картину:

Он — высокий, мощный, в безупречном пальто, прижал к дереву хрупкую девушку.

Его ладонь — нагло, без спроса — лежит на её беременном животе, будто проверяя, будто заявляя собственность.

«Они подумают, что это... нормально? Что так и должно быть?»

Но ведь это не нормально.

Это унижительно.

Это пугающе.

Потому что он даже не спрашивает.

Потому что он не убирает руку, даже когда я вся напряглась, даже когда мое дыхание стало частыми, мелкими глотками, даже когда сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди.

Он просто смотрит.

Смотрит, как я краснею.

Смотрит, как не могу вырваться.

Смотрит, как реагирую на его прикосновения, даже ненавидя их.

«Они все видят. И молчат.»

Потому что он — хозяин.

А я — никто.

Никто, кроме той, кто носит его внука.

##ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ##

Внимание! Следующие две главы — точка невозврата.

Что вас ждет:

✓ *Жесткий поворот сюжета— Майе помогут сбежать.*

Угадаете, кто рискнет бросить вызов Зарубину?

✓ *Глава от лица Евгения.*

✓ *18+, а не 16+— это не ромком, а тёмный роман.*

##Чего точно будет много:

✓ *Грубых, доминантных сцен— Женёк не плюшевый мишка, а хищник, который любит трахаться долго, властно и без сантиментов.*

✓ *Психологической игры— после побега Майи его ярость не будет иметь границ.*

✓ *Жестокой реальности— никто не останется в стороне.*

##Важно:Если вы ждали «милого» буллинга или снисхождения — это не та книга. Здесь будет боль, гнев, страсть и опасность в равных долях. (P. S. Сладкий хэ в обязательном порядке, как всегда))))

Следующая глава — "Игра в побег" (POV: Евгений).

Готовы ли вы к его бешенству?##

(P.S. Да, я предупредила. Теперь вы в курсе.)

Глава 13 Евгений

Евгений

За пару часов

Сын заглянул ко мне на работу в редкий свободный час — сейчас его жизнь, конечно, яркая, но пока ещё беззаботная. Недолго осталось. После свадьбы начнётся взрослая жизнь: бизнес, ответственность, семейные обязательства. Я знаю, что он к этому не совсем готов. Но рад, что с Ангелиной они нашли общий язык. Она ему подходит.

— Как подготовка к свадьбе? — спрашиваю, откладывая документы в сторону.

Он ухмыляется, и в его глазах мелькает то самое знакомое упрямство — моё же.

— Всё отлично. Ангелина, сам понимаешь, девушка яркая, активная. Поэтому всё должно быть идеально. Приготовления затяжные, но мы стараемся. Гости точно будут в восторге — шоу-программа серьёзная. Да ещё куча блогеров приглашена. Я даже не думал, что народу будет столько... Надеюсь, ты не против?

В последней фразе проскальзывает что-то неустойчивое. Ищет одобрения? Или просто проверяет, не буду ли я вмешиваться?

— Это твоя свадьба, — пожимаю плечами. — Решайте с невестой, как вам лучше. Если хочешь моё мнение — я бы,

конечно, обошёлся без всей этой помпы. Но мы из разных поколений.

Замечаю, как он напрягается, пальцы слегка сжимаются в кулаки. Знакомый жест — так он всегда делал, когда хотел спросить о чём-то важном, но не знал, как начать.

— Говори, что хотел.

Он вдруг поднимает на меня взгляд.

— Я хотел спросить... о Майе.

— Она не твоя забота, — резко обрываю его.

Он замирает, челюсть напряжена.

— Пап, я правда не хотел, чтобы так вышло... Чёрт.

Он потирает переносицу, глаза бегут в сторону, будто ищет ответ на стене.

— Она не потревожит ни тебя, ни Ангелину, — говорю твёрдо. — Если ты переживаешь из-за этого, можешь не думать. Я этого не допущу.

— Просто... она ведь беременна. Моим ребёнком.

— Ты так уверен, что ребёнок твой?

— Конечно! — он почти взрывается, голос звенит от возмущения, будто я сказал нечто абсурдное. — Ты просто Майю не знаешь, она бы никогда... — и тут он резко обрывается, будто понял, что зашёл слишком далеко.

— Никогда что?

Он отводит взгляд, снова тербит переносицу. Я вижу, как его горло сглатывает спазм.

— Я просто подумал... Может, я всё-таки заберу её. Куп-

лю ей квартиру, она родит, я помогу. Всё же... как-то неправильно вышло. Я не хотел, но теперь ребёнок есть, и...

— Никогда что? — повторяю я, и это уже не вопрос, а требование.

Раздражение клокочет во мне, горячее и густое, как кровь.

— Вообще... она бы никогда. — Он говорит это на выдохе, будто выталкивает из себя последнюю правду. — В этом плане Майя очень... скромна. Да, упряма, но... В общем, я думаю, забрать её.

— Дима. Я тебе что сейчас сказал?! — Чувствую, как ярость рвётся наружу, сжимая горло. Он осмеливается спорить? — Майя и ребёнок, не твоя забота. Забудь о них. Занимайся невестой. Своей жизнью.

— Но... как-то же неправильно выходит. Мой ребёнок, и вообще... если узнают...

— Плевать, кто что узнает! — Рёв. Стол дрожит. — Она и ребёнок, моя забота. И только моя. Ты больше не поднимаешь этот вопрос. Ты понял?

Он бледнеет. Глаза — два тёмных пламени, но я вижу: страх сильнее. Он не перейдёт черту. Не посмеет.

И тут Дима вдруг резко поднимает голову.

— То есть... этот ребёнок будет называть папой тебя? Или что? Я не понимаю... почему ты так вцепился в неё?

Вопрос повисает между нами, отравленный.

— У тебя нет ребенка, Дима. Разговор закрыт.

Говорю это жестко, отрезая. Но внутри — кипение. Обыч-

но я держу всё под контролем, холодный расчет, никаких эмоций.

— Лучше скажи, как Ангелина отреагировала на неё тогда, после ужина. Что ты ей сказал?

Он мямлит, избегая моего взгляда:

— Ну, я сказал... что мы с Маей виделись пару раз, а потом... вот, увидел её беременную...

Голос его дрожит. Раздражает. Бесит.

— И что? Добавил, что не в курсе, твой ребенок или нет? — бросаю я, уже зная ответ.

— Да... — он отводит взгляд, и мне хочется врезать ему просто за то, как он себя ведет — виноватый, жалкий.

— Ангелина, конечно, взбесилась... — он пожимает плечами, пытаясь сделать вид, что это ерунда. — Ну, поругались немного... Потом она вообще засмеялась, и мы сменили тему. В общем, пронесло.

— Пронесло? — мой голос — лезвие. — Это теперь так работает? Закочегарил девчонку, свалил, как последний подлец, а когда всплыло — «пронесло»?

Он молчит. И это хуже всего. Мне противно. Не терплю лжи. Не терплю трусости. А в Диме этого — с избытком.

Ситуация с этой девчонкой как ножом вскрыла его слабость. Он мямлит, путается, меняет показания.

Слова девчонки эхом бьют в виски: «Ваш сын — трус!»

И ведь не поспоришь.

— Мне надо работать. — Резко машу рукой в сторону две-

ри.

Он задерживается на секунду, будто хочет что-то добавить. Но я уже повернулся к окну.

Только когда дверь закрывается, сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Щелкаю папку на MacBook — там сегодняшний разговор, её. Спецы уже доложили: «Чисто». Но мне плевать на их отчеты.

Наушники в уши, палец на play.

Отрываю её от ствола. Дерево холодное, но она цепляется за него, будто это последняя надежда. Глупо. От меня не спастись.

— Пойдём в дом. Простудишься.

Отпускаю запястье — бледная кожа тут же краснеет под моими пальцами. Она делает шаг, потом ещё один, нехотя, но идёт. Рядом.

— Ну что, поговорила с кем хотела?

Она кутается в жакет. Не от холода — от меня.

— Да... с подругой. Я ничего лишнего не сказала.

— А хотела?

Резко останавливаюсь. Она натывается на меня, запрокидывает голову. Маленький нос покраснел, веснушки резче проступили.

— Да, хотела! — вдруг выдыхает, и голос её дрожит, но не от страха. От злости.

Ухмыляюсь. Наконец-то искренность.

— Так почему не позвала на помощь? Шанс был.

— Не хотела её подставлять! И... я... смирилась.

Врунья. Глаза горят, в голосе — вызов. Смирение? Нет.

Там бунт.

Теперь я буду следить за тобой втрое пристальнее.

— Хорошо, — киваю спокойно и направляю её к дому. —

Если ты и правда смирилась, тогда всё прекрасно. И нервничать ни мне, ни тебе, больше незачем.

Мы заходим в холл. Она притихшая, расстёгивает жакет — и вдруг её руки рефлексивно опускаются на живот, ладони осторожно скользят по округлости.

Не раздумывая, подхожу вплотную. Одна рука — на пояснице, другая — поверх её пальцев. Тёплая, упругая выпуклость под ладонью.

— Ещё не толкается?

Она замирает, как натянутая струна, грудь резко вздымается. Щёки вспыхивают.

— Иногда... — выдыхает она, но не отстраняется. Уже поняла, что сопротивление только разозлит меня.

— Так будет часто, Майя. — Не отвожу взгляда от её лица, глаза округлились, губы чуть приоткрыты. А моя ладонь медленно скользит по её животу. — Малыш должен привыкнуть. И запомнить мой голос.

Димка — мой единственный сын. А я тогда был молод, глуп, поглощён делами. Упустил всё. Да и мать ему досталась

никудашная.

Но теперь — всё будет иначе.

Глава 14 Майя

— Хозяин улетел сегодня в Италию — шепчутся за углом две служанки, пока я сижу на кухне, механически намазывая на тост сливочное масло и поливая его густым джемом. Горечь в сердце, но на языке — сладко.

Вчера, после его слов о том, что «ребенок должен привыкнуть к его голосу», я закрылась в своей комнате и до самого рассвета ворочалась в постели.

Я молилась, умоляла Бога вырвать меня отсюда... Но чем больше думаю, тем яснее понимаю: выход только один.

Договориться.

Как бы унизительно это ни было — попытаться договориться с Евгением. Умолять о шансе. О крошечной щели в этой клетке.

Боже, как я его ненавижу.

Так сильно, что зубы скрипят сами собой, а пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. От злости доедаю завтрак — надо признать, вкусный.

А теперь — прогулка. Все как в тюрьме. Только с хрустальными бокалами и шелковыми простынями.

Едва я успеваю встать со стола, как на кухню входит один из охранников — молодой парень. Я его уже видела, но он всегда держался в стороне, не заходил в дом, не приближался. А сегодня... Может, у него время завтрака? Или...

Галина куда-то вышла. Мы с ним одни.

Я чувствую, как по спине пробегает холодок, когда он внезапно наклоняется ко мне, его дыхание обжигает ухо:

— Майя, могу тебе помочь сбежать.

Глаза расширяются от шока. Глубокий вдох, но я даже не смею повернуть голову.

— Всё. Не могу долго говорить. — Его голос сдавленный, торопливый. — В обед на прогулке буду охранять тебя я. Там всё объясню. Только... никому ни слова.

Не успеваю даже кивнуть — он резко выпрямляется и исчезает так же быстро, как появился.

Обед, который не лезет в горло. Теперь время тянется мучительно медленно. Часы будто застыли.

Я сижу за столом, но еда словно превратилась в песок. Вилка дрожит в пальцах, кусок за куском возвращаюсь в тарелку — не могу проглотить ни крошки.

А Галина... ничего не замечает.

Она что-то командует прислуге, недовольно бурчит на садовника, тыкает в телефон. Обычная суета.

Но для меня сейчас всё иначе.

Каждый звук кажется громче. Каждый взгляд — подозрительным.

Что он задумал?

Можно ли ему доверять?

Я натягиваю серый кардиган и выхожу в сад. Воздух тяжелый, пропитанный запахом надвигающейся грозы. Над го-

ловой нависли свинцовые тучи, такие низкие, будто вот-вот раздавят землю. Ни ветерка. Ни единого звука — даже птицы попрятались, чувствуя приближение ливня. Природа замерла в ожидании. Как и я.

Обычно на прогулке со мной всегда тот охранник — высокий, с каменным лицом, который никогда не смотрит мне в глаза.

Вместо него, вдалеке, стоит тот самый парень.

Я медленно подхожу к «своему» дереву — не то чтобы любимому, просто к нему уже привыкла. Его густые ветви скрывают меня от чужих взглядов, словно давая передышку.

Охранник делает несколько шагов ближе, но остаётся на почтительном расстоянии. Говорит тихо, но чётко — так, чтобы я слышала:

— Как вы... Можете мне помочь?

Я смотрю на него, и в груди вспыхивает надежда, но тут же сжимается страхом.

Кто он?

Почему решил помочь?

Здесь нет людей, которым я могу верить. Здесь каждый — либо враг, либо молчаливый свидетель.

Но его слова заставляют сердце биться чаще:

— Тут все знают, в каком положении ты здесь находишься. И все знают, что с тобой будет в итоге.

Лёд скользит по спине.

— Что... будет?

Он бросает быстрый взгляд по сторонам, затем говорит ещё тише:

— У меня есть сестра, Майя. Как ты.

Пауза. Ветер шевелит листья над головой, и на секунду мне кажется, что земля уходит из-под ног.

— Я слышал разговор... Он хочет на седьмом месяце вырезать ребёнка. Из тебя.

Мир резко сужается до одной точки. До его слов. До ужаса, который теперь осязаем.

— Я не смог промолчать. Возможно, я единственный, кто может тебя отсюда вытащить.

Я не дышу. Не двигаюсь.

Мир закачался. Я пошатнулась, цепляясь за шершавую кору дерева, чтобы не упасть. Пальцы впились в древесину до боли.

Парень-брюнет резко шагнул ко мне — видимо, решил, что теряю сознание. Но я резко вскинула ладонь, останавливая его.

"Вырезать ребенка... И избавиться от меня..."

Эти слова звучали внутри.

— Что мне делать? — голос сорвался на шёпот. Губы дрожали, а в висках стучало так, будто череп вот-вот треснет.

Паника сжимала горло, делая каждый вдох обжигающим.

— Помогите мне... Пожалуйста...

Он сжал кулаки, избегая моего взгляда:

— Майя, я могу только помочь тебе сбежать. Исчезнуть

ты должна попытаться уже сама. Больше ничего.

— Но у меня нет документов! Нет денег, нет ничего! — Я оглянулась на особняк.

Огромный, холодный, он давил на меня, как чёрная дыра. Казалось, стены вот-вот сомкнутся, раздавив меня навсегда.

Голова кружилась.

Вариантов не было.

Остаться — означало смерть. Бежать — неизвестность.

Но хотя бы шанс.

— Если сбежать — то только сейчас. Прямо сейчас.

Он делает ещё шаг ближе. Достаточно, чтобы я почувствовала запах его одежды — дешёвый порошок и что-то ещё, резкое, мужское.

— Он улетел. На три дня.

Сердце колотится так, что кажется, его слышно.

— Посажу тебя в машину, довезу до дальнего выезда, к деревне. Там пересядешь на попутку с Вовой — и уедешь.

Вова? Кто это? Но вопросы мгновенно тонут в адреналине.

— Денег дам немного. На первое время. Дальше сама.

Он оглядывается, даже не поворачивая головы — просто скользит взглядом по периметру.

— Никому. Ни слова.

Его голос становится ещё тише, но каждое слово — как гвоздь в сознание:

— Он чокнутый. Опасный. Будет искать.

Я знаю. Я знаю.

— Прячься далеко в деревне. Где меньше камер, меньше связи.

Мой телефон. Я сама догадывалась, но теперь это подтверждение.

— Он помешан на контроле. И он...

Пауза. Впервые его голос дрогнул.

— Очень опасен, Майя. Говорю не понаслышке. Если согласна — то прямо сейчас.

Я не дышу.

— Дальние задние ворота. Сегодня без присмотра. Зелёная машина.

Я киваю.

Он отходит от меня, делая несколько шагов назад, и в этот момент я вижу его — моего обычного охранника, того самого, с каменным лицом. Брюнет тут же меняется в лице, его голос становится легким, почти беззаботным:

— Ну что, закончил свои дела? Теперь я свободен?

— Да, всё. Иди, я посмотрю за ней.

Он уходит, но в последний момент оборачивается — так, чтобы никто не заметил, — и подмигивает мне одним глазом. А потом исчезает за углом.

Я остаюсь одна. Разбитая. В сомнениях.

Довериться ли ему? Он работает здесь охранником — вряд ли бы взяли кого-то непроверенного. Евгений наверняка изучил его досье, родственников, связи...

А если остаться?

Тогда на седьмом месяце это чудовище вырежет из меня ребенка. Откупиться деньгами, или убьет меня.

Выбора нет.

Этот шанс — последний.

Проходит пару минут. Я не выдерживаю.

Захожу в дом через задний вход, делая вид, что просто устала.

— Всё, я пойду в комнату, — говорю охраннику.

Он кивает, уходит за угол.

Сейчас или никогда.

Я оглядываюсь — никого.

И почти бегом мчусь к задним воротам.

Руки трясутся, пальцы скользят по массивной железной ручке.

Дверь скрипит, открываясь всего на несколько сантиметров.

Но этого хватает.

За воротами — зелёная машина, иномарка, модель мне незнакома.

Адреналин бьет в виски.

Я не думаю — просто распахиваю дверь и прыгаю внутрь.

сегодня будет еще глава) всем спасибо, буду благодарна за звездочки (лайк), вы не поверите но, они очень нужны))))
пс. киса далеко не сбежит, и кое кто никуда не улител буха

ха ха))) вообще будет жестко (

Глава 15 Евгений

— Майя пропала, Евгений Викторович.

Голос Галины в трубке, сдавленный и чертовски напуганный.

Мир вокруг резко сужается, оставляя только эту фразу, этот удар под дых.

Ярость подкатывает к горлу. Телефон хрустит в кулаке, но я не ослабляю хватку. Говорю сквозь зубы, с ледяной чёткостью, хотя внутри — адреналиновый шторм, рвущий меня на части.

— Через минуту ты перезвонишь и скажешь, что она рядом... Найти её. Сейчас же!! — А потом, крик. Я ору так, что виски пульсируют, так, что люди в VIP-зале резко оборачиваются. Частный рейс задерживается, но мне плевать.

Соединяет с главным охраны. Мужчина обычно невозмутим, но сейчас в его молчании — напряжение. От этого мои нервы натягиваются ещё сильнее.

— Нашли девочку?

Я не хочу слышать ничего, кроме «да».

— Нет. Камеры в тот момент не работали. Ей помогли уйти.

Перебиваю, даже не осознавая, что голос превращается в рёв:

— Когда она пропала?!

— Полчаса назад.

Тридцать минут. Тридцать. Чёртовых. Минут.

— И я только сейчас об этом узнаю?!

Молчание.

— Мы её найдём. Все уже в работе...

Но я больше не слушаю.

Не дожидаясь ответа, бросаю трубку. Чёрт подери. Деловая поездка? Отменяется.

— Где машина? — рычу в сторону водителя, уже шагая к выходу.

Если её похитили — расстреляю всех, кто к этому причастен. Если сбежала сама... О, тогда она пожалеет. Ох, как пожалеет.

Машина рвёт сквозь пробки, а мой телефон не умолкает ни на секунду.

— Камеры засекли зелёную «Хавэйл», — докладывает один из охранников.

Моя ярость вскипает ещё сильнее. Кости ломит от желания крушить, ломать, бить — как в молодости, когда я мог затоптать человека в кровь и не моргнуть глазом.

Но сейчас я опаснее.

Не просто бешенство. Адский огонь, который душит меня изнутри, заставляет задыхаться от ярости.

— Нашли! Преследуем! — кричит в трубку один из оперативников.

— ГДЕ?! — мой голос рвёт горло.

Он выпаливает адрес. Я тут же перескакиваю на водителя:
— Разворачивайся!... Не брать! Слышите?! Только слежка!

Она должна быть целой.

Я сам её заберу.

Мы летим на бешеной скорости.

Такой, на какой можно нестись только сквозь ливень, когда за окнами мелькают молнии, а гром бьёт так, будто раскалывает небо. Шоссе превращается в мокрую ленту, а ярость внутри меня — в бурлящую лаву.

Да, её нашли. Да, уже преследуют. Да, она на хвосте.

Но этого мало.

Мне нужно видеть её.

Иначе — я взорвусь.

Я срываю пиджак, швыряю его на сиденье. Галстук душит — рву его, расстёгиваю воротник. Пуговицы летят под ноги. Меня не душит одежда.

Она не могла сбежать.

Эта трусливая мышка? Ни за что. Её похитили.

Или... Я её убью своими руками.

Нет. Иначе она — идиотка. Бестолковая, безмозглая дурёха.

Схватить её за волосы. Заставить визжать. Не отпускать, пока не поймёт, свое место.

У меня чешутся ладони.

Я не сдержусь.

Да и не буду.

Мы почти настигаем их.

Машины моих людей сходятся в преследовании, сжимая кольцо вокруг старенькой «Нивы», которая уже петляет по разбитой просёлочной дороге. Три часа погони. Три часа, за которые моё терпение истончилось до предела.

Ладони горят. Сердце бьётся так, будто хочет вырваться из груди. Ещё минута.

Во рту пересохло от адреналина, но слюна всё равно скапливается — густая, как яд. Я сглатываю, стискиваю зубы. Нетерпение сводит с ума.

«Нива» понимает, что её взяли в клещи, и резко прибавляет ходу. Грязь из-под колёс летит в стороны, машина крепится на ухабах.

Если этот ублюдок за рулём не справится и разобьётся — я выкопаю его из обломков и закопаю заживо.

— Останавливайте их! — рычу в рацию.

Мои люди действуют чётко: две машины перекрывают путь — одна спереди, другая сбоку. Мой водитель резко бьёт по тормозам, и ещё до полной остановки я вылетаю из салона, не в силах ждать ни секунды дольше.

Она там.

Мои ребята уже вытаскивают водителя "Нивы" - какого-то жалкого оборванца.

- Взять его. Допрос. Живым.

Сам резко рву заднюю дверь. В полутьме салона вижу её

силуэт - маленький, съёжившийся. Она оборачивается, и...

Глаза.

Эти огромные голубые глаза, полные животного ужаса.

Машина кренится от моего удара и веса. Всё вокруг теряет значение - только она, прижавшаяся в дальний угол, с растрёпанными волосами и дрожащими губами.

- Ну здравствуй, Майя.

Голос хрипит, слова вырываются сквозь стиснутые зубы. Внутри всё горит, но при виде её... Странное ощущение. Будто меня окатили ледяной водой. Или это просто ливень, стекающий по спине?

- Покаталась?

Протягиваю руку:

- Иди ко мне.

Она не двигается. Только смотрит, будто видит не человека, а монстра. Это... бесит.

В следующий момент я уже в салоне. Хватаю её за руку - сильно, слишком сильно - и рывком вытаскиваю наружу.

Глава 16 Майя

Тьма сгущается, небо разрывают молнии, а дождь хлещет так, будто сама природа ополчилась против нас.

Они уже близко.

Я чувствую их — кожей, нервами, каждой дрожащей клеткой тела. Его ярость, даже если его самого здесь нет, будто витает в воздухе, обжигает мне шею горячим дыханием, шепчет обещания расплаты. Кровавой.

Сердце колотится так сильно, что кажется — вот-вот разорвёт грудную клетку. Адреналин и страх сплелись в один клубок, от которого тошнит, а веки наливаются свинцом. Тепло предательски требует сна, будто надеется, что, если я закрою глаза, этот кошмар окажется просто сном.

Ошибка.

Я осознаю это сейчас, когда уже слишком поздно. Надо было говорить. Договариваться, льстить, играть его правилами — но не бросаться в бегство, как загнанный зверь.

Теперь меня настигнет не просто его гнев, а его месть.

— Чёрт! — Вова, водитель, нервно бьёт по рулю. Он не в курсе, что это не просто попутчица в его машине, а беглянка, за которой идёт охота. Он везёт меня в соседнее село, торопится подхватить ещё одну семью, злится из-за ливня и опоздания.

Но уже не успеет.

Сквозь стену дождя вырываются две чёрные машины — одна режет путь спереди, вторая прижимает нас к обочине. Вова давит на тормоз, я вцепляюсь в сиденье, инстинктивно прикрываю живот.

— Что за херня?! — кричит он.

Сзади слепят фары третьей машины.

— Я не понял. Что происходит?

Его голос дрожит, и мне становится жаль его. Он просто попал под раздачу из-за меня. Из-за моего побега.

Двери его машины с силой распахиваются, и в ливне мелькают силуэты людей в черном. Я едва различаю их сквозь потоки воды, но когда оборачиваюсь назад — сердце замирает.

Он. Высокий, мощный, хищный. Его фигура выделяется даже в этой тьме — широкие плечи, напряженные мышцы, белая рубашка, прилипшая к телу от дождя. Она обрисовывает каждый рельеф, каждый изгиб его тела, и от этого становится еще страшнее.

Я не успеваю даже вскрикнуть.

Дверь с моей стороны срывается с такой силой, что машина качнулась, будто от удара. Он облокотился на крышу, и весь корпус авто прогнулся под его весом. Я вжалась в сиденье, отползая к противоположной двери, но бежать некуда.

Он наклоняется, и в проеме появляется его лицо.

Кроваво-красный свет фар выхватывает из темноты резкие черты: мокрые волосы, спадающие на лоб, скулы, напряженную челюсть. А глаза... Серые. Ледяные, яркие, словно

светящиеся в темноте. Прямо как у хищника, выследившего добычу.

Сейчас он похож на демона.

И я боюсь его, каждым фибрами тела.

— Ну, здравствуй. — голос низкий, хриплый от сдержанной ярости. И взгляд... Бешеный. Хищный. Он не просто в ярости, он в ярости белой, той, что сжигает всё на пути.

Он пришел за мной сам. Значит все гораздо хуже, чем может вообще быть, в моем положении.

— Покаталась?

Он протягивает руку — мокрую, сильную, с напряженными сухожилиями. Ждет. Сохраняет это лживое спокойствие, будто играет в благородство.

— Иди ко мне.

Я мотаю головой, прижимаюсь глубже к сиденью.

И тогда — мгновение.

Он движется молнией, слишком быстрой для своих габаритов. Нырять в салон, ловкий, как зверь, и впивается пальцами в моё запястье. Боль пронзает до кости — кажется, он ломает его сейчас.

Но ему плевать.

Он дергает меня к себе — легко, будто я ничего не вешу. Будто я не человек, а тряпичная кукла, которую можно таскать, как вздумается.

И вот я уже вне машины.

Ливень хлещет по лицу, мокрые волосы прилипают к ко-

же. А он...

Он прижимает меня к себе так, что рёбра ноют от давления. Его дыхание горячее, прерывистое — он еле сдерживается.

— Ты вообще представляешь, что сейчас будет? — его голос шипит у самого уха.

Я не отвечаю.

— Кто помог тебе сбежать?

Глава 17 Майя

Я молчу, словно онемев. Горло сжато спазмом, слова застревают где-то внутри, не в силах прорваться наружу.

— Отвечай! — теперь он шипит мне прямо в лицо.

Его ладонь впивается в мои волосы, резко запрокидывая голову назад. Мое лицо обращено к небу — черному, бескрайнему, хлещущему ледяными каплями. Дождь стекает по щекам, смешиваясь с предательскими слезами.

— Никто... — только и могу прошептать я, но голос тонет в шуме ливня.

Он прижимает меня к себе с такой силой, что воздух вырывается из легких. Его торс — твердый, как камень, впивается в мой живот, и я бессознательно выгибаюсь, пытаюсь защитить ребенка. Он давит на меня всем весом, и мне кажется, что вот-вот треснут ребра. От страха сердце колотится так сильно, что, кажется, вот-вот разорвется.

Неужели он забыл, что я беременна?

Но нет. Он не забыл. Просто ему все равно.

— Сама сбежала? — обволакивает ядовитой сладостью, а на губах играет ухмылка, обещающая долгую и мучительную расплату.

Пальцы скользят по моему животу, будто вспомнил, проверяя, цел ли еще его внук. И в этом жесте — больше холодного расчета, чем заботы.

И вдруг... он наклоняется еще ниже, закрывая меня от дождя своим телом. Но в этом жесте нет защиты — только безумие. Только ярость, кипящая в нем, как адское пламя.

Его губы в сантиметре от моих. Так близко, что каждый его выдох обжигает. Он словно пытается украсть мое дыхание, лишит меня даже этого. Контролировать. Подавлять.

— Д-да... сама... — шепчу я прямо в его губы, в эту дьявольскую ухмылку, от которой кровь стынет в жилах.

Он не отдаляется. Наши рты почти соприкасаются, и я чувствую, как дрожит его тело — не от страсти, а от неистовой, неконтролируемой злобы.

— Зачем сбежала?

— Защитить своего ребенка от такого монстра, как вы! — вырывается у меня.

Он замирает. На секунду в его глазах мелькает что-то... неожиданное. Но тут же исчезает, заменяясь ледяной жесткостью.

— Какая у тебя извращенная фантазия, Майя, — он проносит мое имя с насмешкой, будто это грязное слово. — Впрочем, мать ты никудышная. За то что, посмела рискнуть безопасностью моего ребенка, ты будешь наказана.

Евгений ухмыляется, медленно выпрямляясь во весь рост. В тот же миг потоки ледяного дождя обрушиваются на меня с новой силой.

Он поворачивается к своим людям, и дает команду спокойно, почти буднично:

— Вы знаете, что делать.

Евгений тащит меня к третьей машине, не обращая внимания на то, что я спотыкаюсь, что пальцы скользят по мокрой коже. Дверь открывается.

— Залезай.

Я неуклюже вползаю в салон, дрожащими руками цепляясь за сиденье. Промокшая одежда прилипает к телу.

Салон теплый, но это тепло кажется чужим, враждебным. Я жмусь к противоположной двери, стараясь занять как можно меньше места.

Он грузно опускается рядом, заполняя собой все пространство. Переднее сиденье занимает водитель. Дверь захлопывается с глухим щелчком.

— В ближайшую гостиницу. Самую ближайшую. - дает команду.

Я вся дрожала. Зубы стучали так, что, казалось, их стук слышен даже сквозь шум двигателя. Но это была не дрожь от холода — нет. Это был страх.

— Сделай потеплее, — бросил он водителю, даже не глядя на него.

А потом — резкое движение. Его рука схватила меня и притянула к себе с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Он был весь мокрый, но под промокшей одеждой тело пылало жаром, как раскалённая сталь. Я не успела опомниться, как моя ладонь невольно легла на его бедро — твёрдое, рельефное, напряжённое.

Я тут же попыталась одёрнуть руку, но не успела.

Его огромная ладонь вдруг легла мне на живот, сжимая его почти болезненно, будто утверждая власть. Он прижал меня ещё сильнее, так что я почувствовала каждый мускул его тела.

Второй рукой он достал телефон из кармана и начал что-то печатать.

— Сними, — он кивнул на мой промокший жакет, и его пальцы разжались, освобождая меня.

Я тут же отпрянула, торопливо стягивая с себя мокрую ткань. Но свобода длилась лишь мгновение — его рука снова обвила меня, прижимая к своему боку. Ладонь легла на округлившийся живот, фиксируя его на месте с такой властью, что у меня перехватило дыхание.

Я не могла расслабиться. Ни на секунду.

Потому что если я расслаблюсь — мне придётся самой обхватить его. Коснуться его груди, его плеча, признать эту близость.

А я не могла себе этого позволить.

Так что я застыла, вытянувшись, как струна, прижав руки к себе, будто пытаюсь стать меньше.

— Расслабься, — сказал почти снисходительно. — Нам ещё ехать немало.

Прошло минут десять, может, пятнадцать — я уже перестала сопротивляться. Его пиджак, тяжелый и теплый, накинутый на мои плечи, словно окутал меня чужим, но неотвраща-

тимым теплом.

Мои веки налились свинцом, сознание плыло, будто кто-то нарочно притупил все чувства, чтобы моя психика не сломалась окончательно.

Я не заметила, как мои руки сами собой легли на его грудь — твердую, словно высеченную из камня. А его ладонь по-прежнему сжимала мой живот, властно и неоспоримо, будто помечая свою собственность.

Он говорил по телефону, его голос — низкий, хрипловатый — звучал оживлённо, даже с каким-то грубым весельем.

— Да, бывает, — он усмехнулся в трубку, и в этот момент его большой палец медленно провёл по моему животу, будто неосознанно лаская. Но затем, как только произнёс следующую фразу, его пальцы вдруг впились в меня с новой силой:

— Моё — со мной.

И он потряс меня за живот, резко, почти болезненно, словно демонстрируя невидимому собеседнику: Вот, смотри. Моё. Навсегда.

Я вздрогнула, но сил протестовать уже не было. Сознание уплывало, обрывки его фраз тонули в темноте:

— Да, разберёмся... Нет, не беспокойся...

Он снова начал медленно водить пальцем по животу, уже без агрессии, почти... успокаивающе.

А я провалилась в сон.

Сознание возвращается ко мне постепенно, будто сквозь густой туман. Первое, что я осознаю - машина больше не

движется. Зато за окном тьма и по-прежнему яростно бьёт ливень, его барабанная дробь по крыше сливается с бешеным стуком моего сердца.

Я прихожу в себя с неожиданным пониманием - я спала. Крепко, сладко, как ребёнок, убаюканная ритмичным покачиванием и... теплом. Теплом, которое исходило от большой, живой "подушки", на которой покоилась моя голова.

И тут меня осеняет.

Я резко открываю глаза, но не двигаюсь, притворяясь спящей. Боже правый... Это не подушка. Моё лицо покоится на его бёдрах, прямо... прямо там. А я всё это время сладко спала, уткнувшись носом в его пах, вдыхая мускусный, опасный аромат его тела.

Мои ноги по-прежнему лежат на сиденье, прикрытые его пиджаком - этим символом мнимой заботы.

Но настоящая правда - в его руке, которая властно сжимает мою шею, как хозяин сжимает поводок непокорной собаки. Его большой палец медленно, методично проводит по моей скуле.

Я не решаюсь пошевелиться. Не решаюсь показать, что проснулась. Потому что в этот момент понимаю страшную правду - несмотря на весь ужас, несмотря на страх... мне было тепло. И комфортно.

— Проснулась? - его низкий голос прозвучал прямо над моей головой, и я почувствовала, как его пальцы слегка сжали мою шею, не давая мне отстраниться.

В этом жесте было что-то одновременно пугающее и успокаивающее — полное владение и странная забота, смешанные воедино.

— Приехали.

Я резко поднимаюсь и в ужасе замечаю явную плотность в его брюках — именно на этом месте я только что спала.

— Знаешь... — он медленно проводит большим пальцем по моей щеке, и в его глазах — что-то странное, почти сожаление. — Я уже думал, что, возможно, был слишком суров к тебе. Всё-таки ты — мать моего ребёнка.

Он произносит «моего ребёнка» так уверенно, будто это неоспоримый факт. Будто он действительно его отец.

Но затем его голос становится ледяным.

— Но я в людях, к сожалению, никогда не ошибаюсь. И в тебе тоже не ошибся. Глупая девица. Ничего в тебе особенного.

Эти слова — как нож. Они вонзаются в самое сердце, режут, заставляя кровь стечь в жилах.

Он намеренно даёт мне понять: шанс был. Маленький, но был.

И я его упустила.

По своей глупости.

Он выходит первым, затем резко притягивает меня к себе, и мы быстрым шагом идём к небольшой трёхэтажной гостинице.

У ресепшена — девушка. Она бросает на нас любопыт-

ный взгляд, но тут же отводит глаза. Водитель, который, видимо, уже обо всём договорился, подходит и вручает Евгению ключи.

— Тут только два «випа», и оба свободны.

Мы даже не подходим к ресепшену.

Поднимаемся по лестнице, и его железная хватка на моей руке не ослабевает ни на секунду.

Он молчит, а я молюсь про себя, чтобы он просто снял номер для меня, оставил бы здесь одну и ушел. Каждая ступенька - как шаг на эшафот.

Подходим к коричневой двери с номером 33. Он вставляет ключ, поворачивает его с глухим щелчком. Дверь открывается, он пропускает меня вперед, включает свет. И тогда происходит самое страшное - я слышу, как за моей спиной дверь захлопывается, ключ поворачивается в замке дважды. Мы остаемся одни в этом большом номере: с огромной двухспальной кроватью.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

Он стоит и смотрит на меня, как хищник на загнанного зверька, слегка склонив голову набок.

— В-выйдите, пожалуйста... - говорю шепотом я прикрываясь пиджаком, - Я... я все поняла. Я больше так не буду.

Он делает медленный шаг ко мне. Еще один. Теперь он нависает надо мной, заполняя собой все пространство, весь воздух, все мысли. Его дыхание горячее, когда он наклоняется ближе.

— Я так... устала... - вырывается у меня, последняя попытка вызвать жалость.

Но его следующий приказ разбивает все надежды. Голос низкий, не терпящий возражений:

— Раздевайся, Майя. Полностью.

*я очень всем благодарна за подписки) люблю вас сильно,
завтра продолжение*

Глава 18 Майя

Зачем? — вырывается у меня шёпотом. Губы немеют.

Он только что произнёс это. Всего одну фразу — короткую, отточенную. И теперь мир сузился до размеров гостиничного номера, до его тяжёлого взгляда.

Но верить уже приходится.

Я уже лежала на УЗИ перед ним, дрожа в одном белье, пока он стоял рядом — бесцеремонный, властный, не скрывающий интереса. Но тогда вокруг были люди, белые халаты, холодный гель на коже и хоть какая-то защита.

А теперь — только мы.

И его глаза.

Они горят. Не просто смотрят — пожирают, будто в них заперты демоны, которым вот-вот дадут волю.

— Ты промокла.

Я зажмуриваюсь. Нет. Платье сухое, волосы уже высохли после дождя...

Он знает, как от его слов по спине пробегает ледяной пот. Знает, как предательски дрожит моё тело, хотя я изо всех сил стараюсь этого не показывать.

— Нет... — слабею я.

Но он настаивает.

Шаг вперёд. Ещё один. Теперь между нами — лишь вздох. Его пальцы скользят по моей шее.

Господи, когда же этот кошмар закончится?

— Я говорю, ты слушаешь. Ты промокла. Мы далеко от города, от нормальных больниц. Если заболеешь... — Он резко сжимает челюсть, и его шёпот становится ещё яростнее, ещё опаснее. — Я тебя...

Он не договаривает. Но мне и так понятно.

— Раздевайся. И в душ.

Я глотаю ком в горле, делаю шаг назад.

— Хорошо, я поняла вас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.